Н. Сумцовъ.

ЭТЮДЫ
объ
А. С. ПУШКИНѢ.

Вып. V-й.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1897.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 4 августа 1897 года.

Предисловіе къ 5-му выпуску.

Въ 5 выпускъ внесены сказки. У Пушкина довольно много народныхъ сказочныхъ мотивовъ; я не буду разбирать ихъ въ деталяхъ, напр., при отраженіи ихъ въ мимолетныхъ образахъ, сравненіяхъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ. Я беру ихъ лишь въ тѣхъ цѣльныхъ сочетаніяхъ, въ какія облекъ ихъ Пушкинъ, примѣнительно къ тѣмъ литературнымъ и устнымъ источникамъ, которыми онъ пользовался. Такимъ образомъ, хотя матеріалъ нашъ почти всецѣло фольклорный, этнографическій, мы имѣемъ въ виду прежде всего и болѣе всего историко-литературное его изученіе, что, однако, будетъ почти равносильно и изученію этнографическому, тѣмъ болѣе, что народныя сказки, вошедшія въ произведенія Пушкина, и нынѣ свободно и независимо вращающіяся въ народѣ, не были предметомъ научнаго изслѣдованія.

Прежде всего намъ слѣдовало бы начать съ самой ранней и сравнительно наиболѣе объемистой поэмы „Русланъ и Людмила“; но именно эту поэму мы и оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ, въ виду того, что проф. В. П. Владиміровъ недавно указалъ на непосредственный искусственный литературный источникъ этой поэмы (Кіевск. Унив. Извѣстія 1895 г.).

Женихъ.

Одной изъ самыхъ раннихъ и лучшихъ сказокъ Пушкина нужно признать „Женихъ“. Эта сказка-повѣсть написана еще въ Михайловскомъ. „Женихъ“ не былъ предметомъ спеціальнаго научнаго изученія и на счетъ этой повѣсти въ печати существуетъ не мало ошибочныхъ мнѣній. Покойный проф. *А. И. Незеленовъ* называетъ „Женихъ“ — „вещью положительно неудачной“ и добавляетъ такое странное соображеніе: „должно быть онъ (т. е. Пушкинъ) самъ почувствовалъ неудачу и, вѣроятно, потому оставилъ на нѣкоторое время этотъ родъ творчества“ (стр. 191). Г. *Ефремовъ* въ примѣчаніи во II т. стр. 409 высказываетъ сомнѣніе въ народности „Жениха“. Гораздо ближе къ истинѣ стоитъ *Чириковъ*, называющій „Женихъ“ прямо „превосходнымъ стихотвореніемъ“ (Замѣтки 108) и въ послѣднее время проф. *А. И. Кирпичниковъ*, который въ „Очеркахъ“ (стр. 139) говоритъ, что „Пушкинъ на основаніи одного изъ разсказовъ Арины Родіоновны создалъ лучшую балладу, какая только есть на Руси — „Женихъ“, балладу вполнѣ народную и въ то же время художественную“.

„Женихъ“—образцовая стихотворная передача сказки. Разсказъ течетъ послѣдовательно, просто; самая оживленная и бойкая часть передана въ діалогической формѣ, въ чемъ выразилось необыкновенно тонкое чувство народности. И простые разсказчики изъ среды народа, увлекаясь, легко переходятъ въ діалогическую форму изложенія. Другая замѣчательная народная черта состоитъ

въ повторенiи словъ: „тужила мать — тужилъ отецъ“, „опять румяна, весела, опять пошла . . .“, „онъ, поровнявшись, поглядѣлъ; Наташа поглядѣла“. Далѣе выдѣляется мастерское изображенiе свахи. Сонъ „Наташи“ представляетъ любопытную литературную параллель ко сну Татьяны. Много чисто народныхъ мѣткихъ поговорочныхъ выраженiй и словечекъ.

Ближайшее сравненiе „Жениха“ съ великорусскими сказками приводитъ къ убѣжденiю, что народность „Жениха“ не проистекла изъ простаго подражанiя. Народныя сказки, если позволено будетъ такъ выразиться, менѣе народны, чѣмъ „Женихъ“ Пушкина. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ типичное художественное воспроизведенiе народности, не столько въ основной фабулѣ, не столько въ ходѣ разсказа, сколько въ обрисовкѣ всей сцены дѣйствiя и дѣйствующихъ лицъ, въ особенности въ языкѣ, гдѣ подобрано все яркое, выразительное, мѣткое и сильное. Сказка о дѣвицѣ и разбойникахъ, повидимому, не русская по происхожденiю; но русскiе давно уже усвоили ее. А Пушкинъ возвелъ ее въ перлъ русскаго созданiя. До Пушкина это былъ прiемышъ; съ Пушкина — это родное и дорогое дѣтище русской литературы.

Не приводя здѣсь повѣсти „Женихъ“, какъ слишкомъ большой и хорошо извѣстной, отмѣтимъ лишь основное содержанiе ея: Купеческая дочь Наташа пропадала 3 дня; она въ смущенiи, взволнованная прибѣжала на третью ночь. Родители не узнали, что съ ней случилось, и дѣвушка вскорѣ успокоилась. Разъ на улицѣ она увидѣла молодца, промчавшагося на тройкѣ, и въ страхѣ убѣжала домой, прося родныхъ спасти ее, но отъ кого спасти—она такъ и не сказала. Но молодецъ ее примѣтилъ и на другой день прислалъ сваху, которая и расписала въ яркихъ чертахъ богатство жениха. Отецъ и мать согласились; согласилась и дочь, но при этомъ выпросила, чтобы на пиръ и судьи были позваны. На свадьбѣ невѣста, подъ предлогомъ, что ей снилось, разсказы-

ваетъ, какъ она попала въ лѣсу въ избу разбойниковъ, спряталась и увидѣла, какъ разбойники привели красавицу-дѣвицу, убили ее и отрубили палецъ съ кольцомъ. При этомъ невѣста показала гостямъ и жениху припрятанное кольцо. Злодѣй былъ схваченъ и казненъ.

Литературный источникъ „Жениха" неизвѣстенъ. Предполагаютъ (Ефремовъ, Кирпичниковъ), что источникомъ послужилъ одинъ изъ разсказовъ Арины Родіоновны, что весьма возможно; тѣмъ болѣе, что такое указаніе находимъ и въ „Запискахъ" *Смирновой*. Предположеніе Анненкова, что „Женихъ" вышелъ изъ матеріаловъ, заготовленныхъ Пушкинымъ для „Разбойниковъ" (Матер. гл. VIII, стр. 108), не можетъ быть принято, такъ какъ между Разбойниками и Женихомъ нѣтъ ничего общаго, и исторія ихъ совсѣмъ различна: „Разбойники" — романтическая обрисовка дѣйствительнаго случая; „Женихъ" — пересказъ чисто литературнаго памятника.

Сказки на тему пушкинскаго „Жениха" записаны у многихъ народовъ. По отношенію собственно къ „Жениху" наиболѣе интересны великорусскіе варіанты, такъ какъ пушкинская повѣсть построена несомнѣнно на великорусскомъ варіантѣ, что видно уже изъ типически народнаго ея языка.

Одинъ варіантъ безъ обозначенія мѣста записи въ сокращеніи напечатанъ въ IV т. Сказокъ *Афанасьева* (485—6): У богатаго купца дочь красавица. Двѣнадцать разбойниковъ завели съ купцомъ знакомство и пригласили къ себѣ въ гости его дочь. Дѣвушка пришла въ ихъ отсутствіе въ ихъ домъ въ лѣсу и увидѣла 9 дѣвичьихъ головъ на кольяхъ. Дѣвица спряталась. Наѣхали разбойники, привезли съ собой красивую дѣвушку и затѣмъ далѣе все такъ, какъ въ „Женихѣ". Нѣтъ только сватовства. Когда пріѣхали разбойники снова къ купцу въ гости, дѣвушка разсказала видѣнное ею въ видѣ сказки. Конецъ, что и въ „Женихѣ". Уже Аѳанасьевъ замѣтилъ, что Пушкинъ воспользовался этой сказкой, скажемъ немного точнѣй, подобной сказкой.

Въ сборникѣ *Садовникова* (стр. 314—317) отмѣчена сказка „Дѣвка и разбойники“ изъ Самарской губ., въ которой, при мотивѣ о томъ какъ дѣвица перебила 12 разбойниковъ удержался мотивъ объ рукѣ съ перстнемъ.

Такое же сочетаніе двухъ мотивовъ обнаруживается въ русской сказкѣ, записанной на Кавказѣ въ станицѣ Наурской (см. Сборникъ матер. для опис. Кавказа XV, 164—167). Родители — богатые люди. У нихъ одна дочь Маша. Семь разбойниковъ хотѣли ограбить домъ и увести Машу; но отецъ заперъ ихъ въ кладовой. Онъ запретилъ дочери входить въ кладовую и уѣхалъ съ женой изъ дома. Маша созвала подругъ и изъ любопытства открыла кладовую. Разбойники (просидѣвшіе 30 дней) вышли и умертвили всѣхъ дѣвицъ, прикоснувшись къ нимъ мертвой рукой. Маша спряталась, взяла потомъ мертвую руку и оживила ею подругъ. Эта часть сказки сходна съ самарской сказкой. Далѣе идетъ мотивъ очень близкій къ „Жениху“: Ровно черезъ годъ старшій разбойникъ пріѣхалъ къ родителямъ Маши, одѣтый въ богатое платье, назвался купцомъ и сталъ сватать Машу. Родители выдали ее замужъ вопреки ея воли. Мужъ увезъ Машу и, не получивъ отъ нея мертвой руки, заперъ ее въ подвалъ. Маша ушла. Въ дорогѣ ее скрылъ старичокъ горшечникъ, обложивъ ее горшками. Затѣмъ, Маша скрывается на деревѣ. Черезъ три дня разбойникъ пріѣхалъ къ тестю въ гости и здѣсь былъ арестованъ. Маша вышла замужъ за богатаго купца и жила потомъ счастливо. Этотъ варіантъ имѣетъ такимъ образомъ ту особенность, что развиваетъ мотивъ о замужествѣ.

Въ Гродненской губ. записана бѣлорусская сказка (у *Афанасьева* I, 231), въ которой дѣйствующими лицами являются королевна и 12 разбойниковъ, сказка простая, безъ параллельнаго мотива объ убіеніи или уловленіи 12 разбойниковъ дѣвицей. Бѣлорусская сказка замѣчательна по большому сходству съ „Женихомъ“ Пушкина. Всѣ мотивы сказки развиты въ томъ же порядкѣ,

какъ и въ „Женихѣ“, лишь безъ сватовства. Разбойники просили королевну прійти къ нимъ въ гости въ богатомъ убранствѣ (наивная черта!). Она, безъ согласія отца, пошла и нашла въ лѣсу домъ, гдѣ жили разбойники: въ первой комнатѣ стояли бочки съ кровью, во второй лежали однѣ головы, въ 3 — туловища, въ 4 — сапоги и башмаки, въ 5 — одежда, въ 6 и 7 — золото и серебро и въ 8 — жили сами разбойники. Вскорѣ нагрянули и разбойники; они привели „харошую и богатую панну“, раздѣли ее, зарѣзали и одинъ изъ разбойниковъ отрубилъ палецъ съ кольцомъ. Кольцо покатилось подъ кровать, гдѣ спряталась королевна и т. д., какъ въ „Женихѣ“. Королевна благополучно ушла и разсказала все отцу; когда разбойники пріѣхали въ гости къ королю, королевна при гостяхъ сказала: „мнѣ спилось сегодня, что я пошла къ вамъ въ гости“, затѣмъ разсказала все видѣнное ею и показала отрубленный палецъ съ кольцомъ. Разбойники арестованы и казнены.

Въ Малороссіи сказки о дѣвицѣ и разбойникахъ очень популярны. Онѣ вошли во многіе сборники. Въ сводѣ *Драгоманова* (стр. 307—311) въ одной сказкѣ изъ Галиціи находятся оба главныхъ мотива, но въ осложненіи съ другими мотивами и въ сильномъ сокращеніи: Шесть разбойниковъ лѣзутъ въ домъ, чтобы украсть богатую красавицу панну; но она всѣмъ имъ поочередно отрубила головы. Родители ея были въ это время въ церкви. Одинъ разбойникъ въ видѣ нищаго узналъ о случившемся. Черезъ годъ дѣвица попала въ лѣсу въ большой домъ; первая комната была пустой; во 2, 3, 4 и 5 лежало разное оружіе, въ 6—8 дорогія блюда и кровати. Въ погребахъ оказались трупы. Вскорѣ пріѣхало 24 разбойника съ пѣніемъ и музыкой. Подробно и живо описывается страхъ дѣвушки и бѣгство ея изъ дома. Далѣе вставленъ демонологическій элементъ о собакахъ при дверяхъ, бѣсовскомъ дворѣ на дорогѣ, проклятомъ его хозяинѣ (=змѣй летавецъ), который отпустилъ дѣвушку лишь послѣ того, какъ она отписала

ему то, что будетъ для нея самое дорогое. Позднѣе, когда она вышла замужъ, оказалось, что она должна отдать бѣсу сына своего первенца. Такимъ образомъ здѣсь идетъ совсѣмъ уже другая сказка на широкораспространенную тему о запродажѣ ребенка чорту.

Гораздо ближе къ „Жениху" стоитъ галицкая сказка въ „Pokucie" *Кольберга* IV № 15 „Разбойникъ и царевна". Царевну выдали замужъ за разбойника. Въ лѣсу въ домѣ она увидѣла трупы и скрылась. Разбойники привели дѣвушку, отрубили ей голову и сняли съ руки перстень, который упалъ подъ кровать, гдѣ скрывалась царевна. Перстень этотъ послужилъ потомъ уликой, когда разбойникъ явился къ тестю. Разбойника повѣсили. Варіантъ со сватовствомъ, простой и цѣльный, одинъ изъ близкихъ литературныхъ родственниковъ „Жениха".

Въ Кіевской губерніи записана сказка, по мотивамъ и изложенію сходная съ приведенной выше сказкой изъ станицы Наурской. Разбойникъ посваталъ у богатаго крестьянина дочь и увезъ ее въ лѣсъ. Наймичка сказала ей, что разбойники убиваютъ своихъ женъ и показала трупы убитыхъ. Молодая убѣжала. Въ дорогѣ она сначала спряталась на деревѣ, потомъ на возу въ сѣнѣ. Преслѣдовавшіе ее три разбойника два раза ранили ее въ ногу копьемъ, но не замѣтили, пріѣхали къ ея отцу и у него были изловлены (*Moszyńska* въ IX т. Zbiór wiadom. № 17). Сказка эта почти тожественна съ наурской, гдѣ также бѣглянка укрывается (лишь въ обратномъ порядкѣ) на возу (подъ горшками) и на деревѣ, гдѣ также разбойники ее ранятъ, но не находятъ.

Въ малорусской сказкѣ изъ Кіевской губ. (у *Рудченка* I № 77) соединены оба мотива: Богатая крестьянская семья. Дочь въ отсутствіе родителей позвала подругъ. Явилось 7 разбойниковъ. Подруги разбѣжались, а хозяйская дочь не успѣла убѣжать. Она заперлась въ коморѣ. Когда атаманъ хотѣлъ отворить замокъ и просадилъ въ щелку палецъ, дѣвушка отрубила ему палецъ, и потомъ отрубила головы всѣмъ разбойникамъ. Атаманъ

уѣхалъ. Вскорѣ возвратился отецъ дѣвушки. Черезъ годъ наѣхали разбойники сватать дѣвицу. Она узнала разбойниковъ и сказала о томъ отцу; но послѣдній не повѣрилъ и выдалъ ее замужъ. Разбойники приковали дѣвушку и велѣли наймичкѣ наносить воды, чтобы сварить ее. Наймичка выпросила отпустить ее на время помогать ей. По совѣту наймички, дѣвушка сняла одежду, надѣла ее на пенекъ и убѣжала. Въ дорогѣ она скрывается сначала на чумацкомъ возу подъ рыбой, потомъ на деревѣ, гдѣ разбойникъ ранилъ ее стрѣлой. Конецъ обыкновенный, но безъ пальца какъ улики. Дѣвушка жалуется матери и отцу; послѣдніе призываютъ казаковъ и арестуютъ разбойниковъ.

Въ близкомъ галицко-русскомъ варіантѣ, записанномъ въ 1893 г. (*Грушевскій*, Этнограф. збирн. I № 14), къ дочери одного богача, въ его отсутствіе, пріѣхало 12 братьевъ разбойниковъ. Дѣвушка позвала подругу сосѣдку ужинать, но та отказалась. Сѣла она въ одиночествѣ и сказала: „всѣ святы идите ко мнѣ ужинать"; въ это время изъ-за шкафа, изъ-подъ кровати и другихъ мѣстъ вышло 12 разбойниковъ. Дѣвушка спряталась въ коморѣ и поочередно убила 11 разбойниковъ и ранила въ шею двѣнадцатаго. Черезъ полъ года она, не узнавъ, вышла за послѣдняго замужъ. Свекруха посовѣтовала ей убѣжать; но она сначала отказалась; но когда она, поискавъ въ головѣ мужа, увидѣла на его шеѣ шрамъ отъ раны, узнала въ немъ разбойника и узнала отъ него, что онъ хочетъ сварить ее, то, нарядивъ пень въ свое платье, она убѣжала; въ дорогѣ она скрывается сначала на деревѣ, гдѣ разбойникъ, не замѣчая ее, ранитъ ее пикой въ бокъ, затѣмъ на возу крестьянина. Дома она выдаетъ мужа головой, въ присутствіи „громады", по приговору которой разбойникъ былъ разстрѣлянъ.

Въ польской сказкѣ (Zbiór wiadomości XVI, отд. 2, стр. 47—48) купецъ выдалъ дочь замужъ за разбойника; молодая не захотѣла жить со всѣми его 11 товарищами; разбойники рѣшили ее сварить и приказали на-

носить воды. Молодая спряталась подъ кровать, подняла перстень съ руки убитой дѣвушки, бѣжала, въ дорогѣ была скрыта мужикомъ подъ снопами на возу. Когда разбойники пріѣхали къ купцу, купеческая дочь при гостяхъ вынесла на тарелкѣ палецъ съ перстнемъ. Конецъ обыкновенный—казнь разбойниковъ. Сказка краткая (изъ Ропчицкаго у. въ Галиціи).

Столь же краткая польская сказка издана въ I кн. „Wisła" 1894 года „Разбойникъ и дочь мельника". Дѣвушка еще до свадьбы по приглашенію разбойника пошла въ лѣсъ. Мать разбойниковъ (число ихъ — 6) скрыла дѣвушку. Послѣдняя видѣла, какъ разбойники убили богато одѣтую приведенную ими дѣвушку и отрубили у ней палецъ съ кольцомъ. Дѣвушка ушла, захвативъ палецъ, и воротилась домой безъ приключеній. На свадьбѣ невѣста показываетъ отрубленный палецъ. Разбойники были разорваны конями (обычное сказочное окончаніе). Сказка эта изъ наиболѣе простыхъ и сходныхъ съ „Женихомъ" Пушкина.

Въ польской сказкѣ изъ окрестностей Кракова (*Kolberg*, Lud, S. VIII, Kr. IV, 181—2) баба посылаетъ дочь въ лѣсъ по грибы; здѣсь увидѣли ее два разбойника и одинъ изъ нихъ влюбился. Онъ женится, съ согласія ея матери и даже любимъ ею. Жили они въ согласіи 3 года, на 4-ый поссорились, и жена погрозила, что выдастъ мужа. Онъ рѣшился сварить жену и заставилъ свою мать наносить воды. По совѣту свекрухи, жена поставила вмѣсто себя (одѣтый) куль соломы у колодца, и бѣжала. Въ дорогѣ она спряталась на соснѣ. Разбойники (2 брата) бросили въ котелъ свою мать. Въ поискахъ разбойники по собачьему лаю выстрѣлили наверхъ сосны и ранили жену въ палецъ. Капли крови они приняли за божью росу, которая упала на нихъ за грѣхи, и ушли. Далѣе бѣглянка спряталась у жида на возу подъ кожами. Конецъ обыкновенный.

Въ „Krakowiacy" г: *Цышевскаго* (т. I, стр. 296—9) напечатано 4 сказки этого рода. Три сказки о томъ, какъ

дѣвица перебила разбойниковъ — близкіе варіанты извѣстныхъ уже намъ сказокъ. Любопытна сказка „O pani, która wykryła zbójców i oddała ich w ręce sprawiedliwości“. Одна дама увидѣла въ церкви 12 богатыхъ кавалеровъ, пригласила ихъ къ себѣ въ домъ и угостила обѣдомъ. Они позвали ее къ себѣ въ гости. Она пріѣхала, когда ихъ не было, прошла 9 комнатъ, увидѣла трупы и въ 10-ой спряталась подъ столомъ. Разбойники привели дѣвушку и на столѣ убили ее и отрубили палецъ съ кольцомъ, которое упало подъ столъ и было спрятано дамой. Она благополучно, никѣмъ не замѣченная, возвратилась домой. Черезъ недѣлю она снова позвала кавалеровъ на обѣдъ и за обѣдомъ спросила, не снилось ли имъ что нибудь въ прошлое воскресенье? Разбойники отвѣтили отрицательно и въ свою очередь спросили, не снилось ли что ей. Паня разсказываетъ о томъ, что видѣла въ ихъ домѣ. Конецъ обыкновенный.

Столь же интересенъ варіантъ, записанный у карпатскихъ поляковъ горцевъ (*Zawiliński*, Z powieści i pieśni № III, 24). Разбойникъ посваталъ дочь мельника. Она ночью проникла въ лѣсъ, вошла въ домъ, прошла нѣсколько комнатъ (оружіе, часы и пр.). Вскорѣ наѣхали разбойники и пр., до отрубленнаго пальца включительно. Дѣвушка ушла безъ погони. Когда на другой день на заручины явился женихъ, дѣвушка сказала, что ей приснились богато убранныя комнаты. „У меня такія“ сказалъ женихъ. Далѣе женихъ начинаетъ уже отрицать; но тутъ уликой служитъ палецъ, какъ у Пушкина. Конецъ обыкновенный — казнь разбойниковъ.

Такое же содержаніе имѣетъ польская сказка изъ окрестностей Прасныша (*Chełchowski* I, 15—20). Это сравнительно одинъ изъ большихъ варіантовъ. Расширенъ онъ вставкой благодѣтельныхъ животныхъ, льва, грифа и медвѣдя, которые на пути предупреждаютъ дѣвушку, что она идетъ въ опасное мѣсто. Разбойниковъ 12. Входя въ свой домъ, они говорятъ, какъ въ арабскихъ сказкахъ: „Сезамъ, отворись!“ Дѣвушка уноситъ

отрубленный палецъ. Особенность: дѣвушка эта хотѣла выйдти только за мужчину съ зелеными усами, и разбойникъ окрасилъ себѣ усы. На другой день дѣвушка говоритъ жениху, какъ она проникла въ его домъ и что̀ видѣла. Разбойникъ говоритъ: „не правда!“ Тогда она показала отрубленный палецъ.

Чешскій варіантъ (въ *Národní písně, pohádky*, въ „Slavia“ II, 73—76) представляетъ большое сходство съ малорусскими и польскими: Дочь богатаго мельника въ отсутствіе родителей убиваетъ 11 разбойниковъ и ранитъ атамана. Немного времени спустя, она выходитъ замужъ за послѣдняго. Онъ даетъ ей ключи отъ 12 комнатъ и запрещаетъ входить въ послѣднюю, 12-ую. Вездѣ были богатства, а въ послѣдней трупы. Возвращаясь домой, разбойникъ осматривалъ золотое яичко. Когда жена изъ любопытства отомкнула 12-ую комнату, яичко приняло красный цвѣтъ. Замѣтивъ это, жена бѣжала. Въ дорогѣ она скрылась на возу подъ соломой. Мельникъ послалъ за солдатами и арестовалъ разбойниковъ. Мотива съ пальцемъ нѣтъ.

Въ литовскомъ варіантѣ (въ сб. Шлейхера) 12 разбойниковъ хотятъ проникнуть въ домъ; дѣвица убиваетъ 11 и ранитъ 12-го; невольное замужество; бѣгство; дѣвица скрывается на деревѣ; разбойникъ ранитъ ее въ ногу; капли крови онъ принимаетъ за капли дождя; на другой день дѣвушка скрывается на возу подъ лубками; конецъ обыкновенный.

Западно-европейскіе варіанты сказки о дѣвицѣ и разбойникахъ собраны въ большомъ числѣ въ „Contes populaires de Lorraine“ *Cosquin'a* въ I т., стр. 178—185. Не выдѣляя каждой сказки въ отдѣльности, чего нѣтъ и у Коскена, который о нѣкоторыхъ варіантахъ лишь упоминаетъ, въ виду большого ихъ сходства съ другими, отмѣтимъ лишь сказки по народностямъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ западной русской границы.

Въ нѣмецкихъ сказкахъ (въ сборникахъ Я. Гримма, Прёля и др.) женихъ приглашаетъ невѣсту въ лѣсъ;

убійство другой дѣвицы; невѣста раскрываетъ преступленіе, разсказывая о снѣ; она приговариваетъ: „это, мой милый, лишь сонъ“; улика въ видѣ пальца; любопытная подробность: птица въ клѣткѣ въ домѣ разбойника совѣтуетъ дѣвицѣ уйти. Коскенъ замѣчаетъ при этомъ, что предостерегающая птица встрѣчается въ варіантахъ венгерскомъ, норвежскомъ, литовскомъ. Во всѣхъ западныхъ варіантахъ, исключая одинъ литовскій, встрѣчается мотивъ о передачѣ видѣннаго въ видѣ разсказа о снѣ. Почти во всѣхъ варіантахъ западныхъ героиня дочь мельника и уликой служитъ отрубленная рука. Въ одномъ саксонскомъ варіантѣ старуха помогаетъ дѣвушкѣ спрятаться; дѣвушка скрывается на деревѣ, и разбойникъ ранитъ ее въ пятку; затѣмъ дѣвушка прячется на возу подъ кожами. Конецъ обыкновенный—разсказъ о снѣ съ уликой рукой. Въ другомъ нѣмецкомъ варіантѣ героиня дочь короля; родители въ отъѣздѣ; компаньонка пастушка замѣтила подъ кроватью разбойника и ушла; дѣвушка запирается въ комнатѣ; разбойники хотѣли подкопаться; но она убила ихъ всѣхъ, кромѣ атамана, который потомъ переодѣлся графомъ, женился на ней и убилъ ее. Окончаніе сказки здѣсь забыто. Въ нѣмецкой сказкѣ изъ Тироля дочь мельника убѣгаетъ вмѣстѣ съ старухой; разбойникъ ранилъ дѣвушку, но капли крови принялъ за капли дождя. Вообще, нѣмецкихъ варіантовъ много, и всѣ они почти вполнѣ совпадаютъ съ тѣми или другими славянскими варіантами. Такъ, къ отмѣченнымъ выше совпаденіямъ, параллелямъ и общимъ вставнымъ мотивамъ можно еще добавить мотивъ о запрещенной комнатѣ въ одной швабской сказкѣ. Въ этой сказкѣ обнаружилась наклонность народа къ троенію: у мельника три дочери. Разбойникъ женится на первыхъ двухъ; но когда старшая и затѣмъ вторая сестра ея, вопреки запрету, вошли въ комнату, и у каждой изъ нихъ при этомъ ускользнуло изъ рукъ яицо, то и та и другая были убиты. Младшая дочь благополучно уходитъ. На пути она, какъ въ другихъ варіантахъ, разъ скрывается,

благодаря старухѣ, которая отвязала ее отъ дерева, другой разъ въ возу подъ корытомъ. Конецъ обыкновенный.

Столь же близки къ славянскимъ и французскія сказки о дѣвицѣ и разбойникахъ. Въ частности съ русской сказкой изъ ст. Наурской почти вполнѣ совпадаетъ слѣдующая сказка изъ Лотарингіи. Дѣвушка заперлась. Она овладѣла мертвой рукой (main de gloire), которую возили съ собой разбойники (мертвая рука помогаетъ ворамъ, о чемъ см. мою замѣтку въ Кіев. Ст. 1891, № 6). Чтобы возвратить эту руку, разбойникъ сватаетъ дочь мельника. Она посѣтила домъ жениха и увидѣла, какъ разбойники убили ея двоюродную сестру. Она унесла ея отрубленную руку. На свадьбѣ невѣста разсказываетъ, что ей приснилось, прерывая въ шутку разсказъ словами: „tous songes sont mensonges“; но потомъ она показала гостямъ руку и предала злодѣевъ въ руки правосудія. Въ варіантѣ сказки изъ Монтьесюръ-Со дѣвушка скрывается на возу угольщика. Въ бретонскомъ варіантѣ героиня воспользовалась тѣмъ, что мужъ ея повернулъ голову и убила его. Этотъ мотивъ (поворотъ головы) обычный въ героическихъ пѣсняхъ и во многихъ сказочныхъ сюжетахъ. Въ бретонскую сказку онъ попалъ случайно.

Подвигаясь далѣе на югъ и западъ мы находимъ сходныя сказки въ Италіи, въ Сициліи, на о. Кипрѣ и въ Португаліи. Въ сицилійской сказкѣ разбойникъ привязываетъ дѣвушку къ дереву, бьетъ ее и идетъ затѣмъ за товарищами, чтобы ее убить. Проѣзжій крестьянинъ скрываетъ ее подъ мѣшками съ ватой. Италіанскія сказки представляютъ, однако, крупныя отклоненія въ сторону и посторонniя амплификаціи: дѣвушка, уйдя отъ разбойника, выходитъ замужъ за короля; разбойникъ-чародѣй наводитъ на короля и весь его дворъ сонъ, отъ котораго освобождаетъ героиня разсказа. Любопытно, однако, что въ италіанскихъ варіантахъ, какъ и въ русскихъ, разбойникъ собирается сварить дѣвушку. Одинъ

сицилійскій варіантъ настолько уклонился въ сторону, что въ роли избавителя дѣвушки поставилъ св. Іосифа.

Въ греческомъ варіантѣ купецъ оставляетъ женѣ сто ключей, но запрещается открывать одну комнату. Открывъ ее, жена увидѣла, что мужъ ея обратился въ трехглазаго чудовища (упыря) и пожираетъ трупы. Бѣгство, погоня, выходъ бѣглянки замужъ за короля, усыпленіе, похищеніе королевы; королева столкнула упыря въ ровъ, гдѣ его разорвали левъ и тигръ. Варіантъ фантастическій, далекій отъ европейскихъ.

Столь же далекъ и португальскій варіантъ; здѣсь три сестры; купецъ въ видѣ нищаго; мертвая рука. Дѣвушка взяла эту руку, заперлась, и, когда купецъ протянулъ въ дверь руку, отрубила ее.

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ варіантовъ сказки о дѣвушкѣ и разбойникахъ можно сказать, что отъ Уральскихъ до Пиренейскихъ горъ, во всей восточной, сѣверной и центральной Европѣ циркулируетъ въ сущности одна сказка, которая передается большей частью со включеніемъ перваго начальнаго эпизода объ убіеніи дѣвушкой разбойниковъ, иногда съ пропускомъ этого эпизода. Въ виду того, что въ Италіи, въ Критѣ, въ Португаліи сказка записана въ сильно искаженномъ видѣ, можно думать, что она въ сущности чужда южной Европѣ, что она возникла въ другой ея части, вѣроятно, въ центральной или восточной, у нѣмцевъ или славянъ. Въ народное пѣснотворчество сказка о дѣвицѣ и разбойникахъ, повидимому, не проникла. Какъ ни чутки къ такимъ мотивамъ баллады, но въ данномъ случаѣ балладная поэзія не впитала въ себя сказки о дѣвицѣ и разбойникахъ; сколько можемъ припомнить, въ громадномъ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ Чайльда нѣтъ такой версіи, которую съ достаточнымъ основаніемъ можно было бы связать съ разбираемой сказкой. Лишь въ передѣлкѣ Пушкина сказка о дѣвицѣ и разбойникахъ приняла стихотворный балладный характеръ.

Можно думать, что въ основаніи сказки лежитъ одинъ, можетъ быть, даже нѣсколько однородныхъ дѣйствительныхъ случаевъ изъ старой уголовной хроники, которые были восприняты народной молвой и оформлены въ шаблонные эпическіе разсказы, переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію по традиціи, въ устной и письменной передачѣ. Отрывки сказанія и нынѣ часто проникаютъ въ газеты, какъ повѣствованіе о якобы дѣйствительно случившихся событіяхъ, иногда съ пріурочепіемъ къ тому или другому поселку. Захолустные корреспонденты улавливаютъ интересное повѣствованіе, какъ дѣвица отбилась отъ разбойниковъ, и спѣшатъ тиснуть его въ печать, что подчасъ даже вызываетъ опроверженіе со стороны мѣстныхъ административныхъ властей.

Возвращаясь къ „Женину“ Пушкина, теперь легко можно видѣть, что Пушкинъ передалъ всѣ главные мотивы сказки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они идутъ въ большинствѣ варіантовъ. Нѣтъ начальнаго убіенія разбойниковъ дѣвицей, чего, вѣроятно, не было и въ Пушкинскомъ народномъ первоисточникѣ. Возможно впрочемъ, что Пушкинъ сознательно умолчалъ объ этомъ эпизодѣ, который и въ народныхъ сказкахъ вообще плохо мотивированъ и частенько таки связанъ съ разными наивностями, съ бытовыми и психологическими несообразностями. Безъ этого эпизода „Женихъ“ выигралъ. Получилось нѣчто загадочное, занимательное; читатель съ нетерпѣніемъ ждетъ разгадки, гдѣ пропадала Наташа, чего такъ смутилъ ее проѣхавшій мимо молодецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Женихѣ“ ясно обнаруживаются собственно пушкинскіе элементы — въ яркости языка, въ бойкой игрѣ словъ, въ обрисовкѣ свахъ и сватовства, въ отраженіи патріархальныхъ семейныхъ началъ русской жизни и русской природы, въ характерныхъ остаткахъ русской бытовой старины. Отецъ говоритъ дочери, что ей „пора гнѣздо устроить“, и хотя дочь „зарыдала и къ стѣнкѣ уперлась“, а все таки она сказала:

„святая воля ваша, послушна я“.... О природѣ лишь сказано, что „въ глуши не слышно было ни души; и сосны лишь да ели вершинами шумѣли“ — и того довольно. Ясно, что это русская глушь, что это зимній шумъ сосенъ передъ домикомъ Пушкина въ Михайловскомъ.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

а) Литературная родия сказки.

Сказка состоитъ изъ трехъ частей, тѣсно между собою связанныхъ: Первая часть сказки повѣствуетъ о томъ, какъ старикъ рыбакъ поймалъ золотую рыбку и отпустилъ ее; вторая — самая обширная — какъ жена забранила рыбака и вытребовала одно за другимъ новое корыто, избу вмѣсто землянки, столбовое дворянство, царское достоинство и даже захотѣла быть царицей морской, и третья — краткая, въ видѣ заключенія, какъ рыбка отняла все то, что дала и оставила старика и старуху въ прежней нищетѣ.

Сказка заимствована Пушкинымъ, по всей вѣроятности, у Арины Родіоновны. Въ передачѣ сказки Пушкинъ близко держался народной основы, сохранилъ всѣ главные мотивы и мѣстами лишь придалъ имъ яркую культурно-бытовую обстановку. Что взялъ или точнѣе могъ взять Пушкинъ, можно догадываться изъ народныхъ параллелей, въ частности изъ одной нѣмецкой сказки, которая весьма близко стоитъ къ пушкинскому великорусскому оригиналу.

Въ русскихъ народныхъ сказкахъ встрѣчается или золотая рыбка, или, при существованіи тѣхъ же главныхъ мотивовъ дареній, что и у Пушкина, дерево, лиса,

птичка-невеличка. Пушкинъ, очевидно, воспользовался варiантомъ съ золотой рыбкой. Такой именно варiантъ, весьма близкiй къ сказкѣ Пушкина, находится въ сборникѣ *Афанасьева* т. I № 39. Начало тожественное. Первая просьба старика о хлѣбѣ, вторая о корытѣ, затѣмъ въ томъ же порядкѣ, что и у Пушкина, идутъ изба, воеводство, царствованiе и заключительная неудачная претензiя на морское владычество. Старикъ каждый разъ обращается къ рыбкѣ со словами: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головкой". Въ сборникѣ Афанасьева находятся также варiанты съ деревомъ, лисой и птицей. Старикъ грозитъ дереву топоромъ; дерево дѣлаетъ его бурмистромъ, полковникомъ, генераломъ, царемъ. Когда же старуха пожелала, чтобы ей съ мужемъ сдѣлаться богами, то дерево зашумѣло листьями и въ отвѣтъ промолвило старику: „будь же ты медвѣдемъ, а твоя жена медвѣдицей".

Сравнивая сказку Пушкина съ народнымъ варiантомъ въ сборникѣ Афанасьева, мы находимъ не только ту же послѣдовательность въ мотивахъ и изложенiи, но мѣстами тожественныя выраженiя; напр., у Пушкина жена старика, сдѣлавшись столбовой дворянкой, прикрикнула на мужа, „на конюшню служить его послала", а въ народной сказкѣ воеводиха посылаетъ мужа на конюшню, чтобы его здѣсь отодрали плетьми. Въ положенiи царицы у П. старуха пируетъ, въ сказкѣ дѣлаетъ смотръ войскамъ.

Великорусская сказка въ сборникѣ *Худякова* (подъ № 37) о заколдованномъ деревѣ липкѣ развиваетъ тему, такъ сказать, по тремъ страстямъ: корыстолюбiю, сластолюбiю и честолюбiю. Сначала липка сразу даетъ мужику хлѣба, коней и избу, затѣмъ старую жену замѣняетъ молодой и красивой, наконецъ, дѣлаетъ его старостой, дворяниномъ, даже губернаторомъ; но когда мужикъ захотѣлъ быть царемъ, липка обратила его въ медвѣдя. Сказка эта записана въ Москвѣ.

Особое мѣсто занимаютъ такiя сказки, гдѣ дерево

или щука служитъ символомъ доли и даетъ богатство бѣдному брату или дураку, большей частью въ видѣ чудесной всепоставляющей торбы, каковы, напр., великорусская сказка изъ Терской области въ Сборникѣ мат. для изуч. Кавказа XV отд. 2 стр. 45, бѣлорусская у *Романова* IV 204 и галицко-русская въ „Pokucie“ *Кольберга* IV № 75.

Въ сборникѣ малорусскихъ народныхъ легендъ г. *И. И.* во 2 кн. Этнограф. Обозр. 1891 г. издана легенда о липѣ, записанная въ Купянскомъ у. Харьк. губ. и до такой степени сходная съ сказкой въ сборникѣ Худякова, что ее можно считать простымъ повтореніемъ послѣдней сказки. Сходство доходитъ до полной тожественности, и мнѣ такое тожество представляется даже загадочнымъ и страннымъ въ области сказочныхъ пересказовъ.

Другая легенда въ томъ же сборникѣ И. И. изъ Купянскаго у. имѣетъ ту особенность, что дарителемъ оказывается старый дѣдъ кумъ, въ лицѣ котораго скрывается Богъ, и мужикъ не только „царюе“, но даже „богуе“, сидя „на драбынци“; но такъ какъ онъ „богуя“ нарушилъ данное куму обѣщаніе никого не судить, то и обращенъ былъ въ медвѣдя.

Сказки на пушкинскій мотивъ о золотой рыбкѣ извѣстны и за этнографическими предѣлами славянства.

У румынъ сказка о золотой рыбкѣ передается въ такой формѣ: Жили-были мужъ и жена, оба бѣдняки; мужъ былъ плотникомъ; однажды онъ набрелъ въ лѣсу на высокій стройный кленъ и принялся было рубить его. А дерево провѣщало: „не руби меня, я отплачу тебѣ добромъ“. Какое же добро ты мнѣ можешь сдѣлать? „Посмотри-ка у моихъ корней и увидишь“. Плотникъ посмотрѣлъ и нашелъ тамъ кладъ; онъ разбогатѣлъ и вскорѣ сталъ деревенскимъ судьей. Но женѣ этого было мало; ею овладѣло честолюбіе, и она начинаетъ посылать мужа къ чудесному дереву съ новыми угрозами срубить его и новыми вымогательствами. Всякій разъ дерево искупаетъ себя кладомъ, и бѣднякъ возвышается по обще-

ственнымъ степенямъ; его выбираютъ главнымъ судьей, совѣтникомъ императора, наконецъ императоромъ. Новой царицѣ и этого мало; она захотѣла, чтобы ея мужъ сталъ Богомъ, она Богиней. Тутъ дерево не выдержало и прокляло мужа и жену: онъ пусть будетъ кукушкой, живетъ не съ людьми, а въ лѣсу, и поетъ въ теченіе полугода, отъ Благовѣщенія до Иванова дня, оплакивая утраченное счастье, а съ Иванова дня до Благовѣщенія будетъ его языкъ привязанъ, а жена обращена въ удода, который питается всѣмъ, что на свѣтѣ есть отвратительнаго, и гнѣздится въ грязи (*Веселовскій*, въ рец. на сб. Маріана, оттискъ изъ Ж. М. Н. Пр.).

У варташенскихъ евреевъ (Нухинск. у. Елисаветпольск. губ.) разбираемый сказочный мотивъ передается въ видѣ запутанной демонологической сказки: Одинъ человѣкъ хотѣлъ срубить въ своемъ саду дерево; но при этомъ изъ земли вышелъ человѣкъ (сатана) и откупилъ дерево, уплачивая за него по 1, потомъ по 2 и болѣе червонцевъ ежедневно, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ грозилъ срубить дерево. Хозяинъ однажды замѣтилъ, что подъ деревомъ танцуютъ много мужчинъ и женщинъ (бѣсы). Защитникъ дерева является въ видѣ козы, но говоритъ при этомъ человѣческимъ голосомъ. Хозяинъ пострадалъ — его дѣти умерли; тогда онъ срубилъ дерево, раздалъ имущество бѣднымъ, началъ жить своимъ трудомъ и былъ счастливъ (Сборникъ матер. для изуч. Кавказа, XVIII, отд. 2, стр. 163—165).

Въ I т. „Kinder und Hausmärchen" бр. *Гриммовъ* издана весьма интересная сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Въ русской научной литературѣ на эту сказку не обращено вниманія, должно быть, потому что въ сборникѣ Гриммовъ она напечатана на померанскомъ нарѣчіи и трудна потому для пониманія. Въ виду большой близости этой сказки къ пушкинской по многимъ мотивамъ я приведу ее въ дословномъ переводѣ, какой, по моей просьбѣ, любезно сдѣлалъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ харьковскомъ университетѣ Г. Ю. Ирмеромъ.

Жили были рыбакъ и его жена; они жили вмѣстѣ въ дряной лачужкѣ у самого моря. Рыбакъ ходилъ каждый день туда и удилъ рыбу. Такъ онъ однажды и сидѣлъ за уженіемъ и все смотрѣлъ въ блестящую воду, и онъ сидѣлъ да сидѣлъ.

Вдругъ глубоко погрузилась въ воду его удочка, и когда онъ сталъ ее вытаскивать, то выволокъ большую камбалу. Тогда сказала ему камбала: „слушай-ка, рыбакъ, прошу тебя, отпусти меня на волю, я не настоящая камбала, я заколдованный принцъ. Какая польза будетъ тебѣ умертвить меня? Я, вѣдь, тебѣ не по вкусу прійдусь: брось же меня лучше опять въ воду, снова плавать“. „Ну“, сказалъ человѣкъ, „тебѣ и не надо тратить столько словъ; камбалу, умѣющую говорить, я бы и безъ того, конечно, отпустилъ плавать“. Съ этими словами онъ отпустилъ ее въ блестящую воду опять, и пошла камбала на дно, оставивъ за собою длинную кровяную полосу. Рыбакъ же всталъ и пошелъ къ своей женѣ въ лачужку.

„Мужъ“, сказала жена, „развѣ-же ты ничего не поймалъ сегодня?“ „Нѣтъ“, сказалъ мужъ, „я сегодня изловилъ камбалу, которая сказала мнѣ, что она — заколдованный принцъ; я и отпустилъ ее плавать“. „Неужели ты себѣ у нея ничего не выпросилъ?“ сказала жена. „Нѣтъ“, сказалъ мужъ, „да и чего же мнѣ у ней просить?“ „Ахъ“, сказала жена, „да вѣдь противно жить все здѣсь въ этой лачужкѣ, гдѣ столько вони и грязи: ты могъ бы выпросить намъ у нея маленькій домикъ. Ступай-ка туда и позови ее: скажи ей, что мы желали бы имѣть маленькую хижину, и она навѣрно намъ дастъ ее“. „Да съ какой же стати мнѣ къ ней ворочаться?“ сказалъ мужъ. „Но, вѣдь, ты же ее изловилъ, а потомъ опять отпустилъ ее плавать; она навѣрно это сдѣлаетъ. Ступай же сейчасъ“. Не хотѣлось мужу идти, но и не хотѣлось перечить женѣ, и пошелъ онъ къ морю.

Когда онъ пришелъ туда, море было совершенно зе-

леное и желтое и совсѣмъ не такое блестящее, какъ раньше. И такъ онъ подошелъ и сказалъ:

„Мантье, Мантье, Тимпе Те,
Камбала, камбала въ морѣ,
Моя жена Ильзебиль
Не хочетъ такъ, какъ я хочу“.

Тогда приплыла къ нему камбала и сказала: „ну, что же ей нужно?“ „Да вотъ“, сказалъ рыбакъ, „я, вѣдь, тебя поймалъ, а теперь жена моя говоритъ, будто я долженъ у тебя выпросить себѣ что нибудь. Ей не хочется жить больше въ лачужкѣ, она желала бы имѣть маленькій домикъ“. „Ну, ступай только“, сказала камбала, „она его уже имѣетъ“.

Пошелъ мужъ домой, и его жена не находилась уже больше въ лачужкѣ; а на мѣстѣ лачужки стоялъ маленькій домикъ, и его жена сидѣла у двери на скамьѣ. И взяла его жена за руку и сказала ему: „Войди-ка только сюда, да посмотри; теперь, вѣдь, все гораздо лучше“. Тогда они вошли; въ маленькомъ домикѣ были небольшія сѣни, прекрасная горница и спальня, гдѣ ихъ кровать стояла, и кухня съ чуланомъ, все наставлено лучшей утварью, оловянной и мѣдной посудой, вообще, всѣмъ необходимымъ. А позади домика былъ небольшой дворъ съ курами и утками, и маленькій садикъ съ зеленью и плодами. „Посмотри-ка“, сказала жена, „развѣ это не хорошо?“ „Да“, сказалъ мужъ, „пусть останется только все такъ, тогда мы можемъ весьма весело прожить всю жизнь“. „Это мы еще тамъ посмотримъ“, сказала жена. Потомъ они поужинали и легли спать.

Такъ все шло хорошо съ недѣлю или двѣ, но потомъ жена сказала: „Послушай-ка, мужъ, домикъ-то ужъ слишкомъ тѣсенъ, да и дворъ и садъ такъ малы; камбала могла бы намъ и побольше домъ подарить. Я бы хотѣла жить въ большомъ, каменномъ замкѣ; ступай-ка къ камбалѣ, пусть она дастъ намъ замокъ“. „Ахъ, жена,

жена", сказалъ мужъ, „вѣдь, этотъ домикъ достаточно хорошъ; и къ чему намъ жить въ замкѣ". „Такъ чтожъ", сказала жена, „иди только къ камбалѣ, она все это можетъ сдѣлать". „Нѣтъ, жена", сказалъ мужъ, „камбала только что дала намъ домикъ, я не хочу сейчасъ же къ ней опять идти, она, пожалуй, еще разсердится". „Ступай же", сказала жена, „она это можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ весьма охотно; ступай только". У мужа такъ тяжело было на сердцѣ, и не хотѣлъ онъ идти; онъ сказалъ самому себѣ: „это не хорошо", а всетаки пошелъ.

Когда онъ пришелъ къ морю, вода была совершенно иловая, темно-синяя и сѣрая и густая, а уже не такая зеленая и желтая, какъ прежде, однакожъ еще не волновалась. Тогда онъ подошелъ и сказалъ:

„Мантье, Мантье. Тимпе Те
Камбала, камбала въ морѣ,
Моя жена Ильзебиль
Не хочетъ такъ, какъ я хочу".

„Ну, чего же она хочетъ?" сказала камбала. „Ахъ", сказалъ мужъ почти грустно, „она хочетъ жить въ большомъ каменномъ замкѣ". „Ступай себѣ, она стоитъ передъ дверьми", сказала камбала.

Пошелъ мужъ и думалъ, что идетъ домой, но когда подошелъ къ домику, то на его мѣстѣ находился большой каменный дворецъ, а его жена стояла какъ разъ на крыльцѣ и хотѣла войти во дворецъ; тогда она взяла его за руку и сказала: „войди со мною". Съ этими словами они вошли, а въ замкѣ была большая передняя съ поломъ, выстланнымъ мраморными плитами, и тамъ было множество слугъ, которые отпирали передъ ними большія двери настежь; всѣ стѣны такъ и блестѣли и были обиты прекрасными обоями, а въ комнатахъ вездѣ и стулья и столы изъ золота, и хрустальныя люстры спускались съ потолка, и вездѣ въ залахъ и другихъ комнатахъ были ковры разостланы; столы ломились подъ тяжестью самыхъ изысканныхъ кушаній и самыхъ лучшихъ

вннъ. А позади замка былъ большой дворъ съ конюшнею и коровникомъ, и самые лучшіе экипажи; кромѣ того былъ еще тамъ большой, прекрасный садъ съ красивѣйшими цвѣтами и хорошими плодовыми деревьями, и паркъ, по крайней мѣрѣ, на полмили, полный оленей, дикихъ козъ и зайцевъ, и всего, чего только пожелаютъ. „Ну“, сказала жена, „развѣ все это не прекрасно?“ „Конечно, да“, сказалъ мужъ, „если все это такъ останется, то и будемъ жить въ этомъ прекрасномъ замкѣ совершенно довольны“. „Объ этомъ мы еще подумаемъ“, сказала жена, „да посмотримъ“. Съ этимъ они легли спать.

На другое утро жена первая проснулась; уже совсѣмъ разсвѣло, и изъ своей постели она увидѣла прекрасную страну, лежавшую передъ ея глазами. Потягиваясь, проснулся мужъ; тогда она толкнула его локтемъ въ бокъ и сказала: „муженекъ, встань-ка, да взгляни въ окно. Смотри, нельзя ли намъ быть королемъ да королевой надъ всею этою страною? Ступай къ камбалѣ, и сдѣлаемся мы королями“. „Ахъ, жена“, сказалъ мужъ, „къ чему же намъ дѣлаться королями! Я никакъ не хочу быть королемъ“. „Ну“, сказала жена, „если ты не хочешь быть королемъ, такъ я хочу быть королевой. Поди же къ камбалѣ, я хочу быть королевой“. „Ахъ, жена“, сказалъ мужъ, „къ чему же тебѣ быть королевой? Я этого ей и сказать не хочу“. „А почему же?“ сказала жена, „сію же минуту ступай, я должна быть королевой“. Тогда мужъ отправился туда и былъ очень смущенъ тѣмъ, что его жена хотѣла сдѣлаться королевой. „Это не хорошо и совсѣмъ не хорошо“, думалъ мужъ про себя. Онъ не хотѣлъ идти, но все же пошелъ.

И когда онъ пришелъ къ морю, море было совершенно темно-сѣрое и все волновалось и его вода испускала совсѣмъ гнилой запахъ. Онъ подошелъ и сказалъ:

„Мантье, Мантье, Тимпе Те“ (и проч.).

„Ну, чего же она хочетъ?“ сказала камбала. „Ахъ“,

сказалъ мужъ, „она хочетъ сдѣлаться королевой“. „Ступай только домой, она уже королева“, сказала камбала.

Тогда пошелъ мужъ домой, и подойдя къ замку, онъ увидѣлъ, что замокъ сталъ гораздо обширнѣе, съ большими воротами, украшенными великолѣпными орнаментами, и часовой стоитъ у входныхъ дверей, а кругомъ много солдатъ съ барабанами и трубами. И когда онъ вошелъ во дворецъ, то все въ немъ было изъ чистаго мрамора, и украшено золотомъ, и бархатныя скатерти съ большими, золотыми кистями. Вотъ открылись настежь двери залы, гдѣ весь Дворъ былъ въ сборѣ, и онъ увидѣлъ свою жену, сидѣвшую на высокомъ тронѣ изъ золота и съ алмазами, и имѣла она на головѣ большую золотую корону, а въ рукахъ у нея скипетръ изъ чистаго золота съ драгоцѣнными камнями, и по обѣимъ сторонамъ у нея стояли шесть дѣвицъ въ рядъ, изъ которыхъ каждая была головой ниже другой. Тогда онъ подошелъ и сказалъ: „ну, вотъ, жена, теперь ты королева!“ „Да“, сказала она, „я теперь королева!“ Онъ постоялъ противъ нея, разсматривалъ ее, и, послѣ нѣкотораго времени, сказалъ онъ: „какъ это хорошо, жена, что ты сдѣлалась королевой, теперь ужъ намъ нечего больше и желать!“ „Нѣтъ, мужъ“, сказала жена, и стала безпокойна, „я уже слишкомъ соскучилась быть королевой, я не могу переносить этого больше. Ступай къ камбалѣ; я — королева, но хочу быть императрицей“. „Ахъ, жена“, сказалъ мужъ, „на что тебѣ быть императрицей?“ „Муженекъ“, сказала она, „поди къ камбалѣ, я хочу быть императрицей“. „Ахъ, жена“, сказалъ мужъ, „императрицей она не можетъ тебя сдѣлать, я не смѣю и просить объ этомъ камбалу; вѣдь, императоръ-то только одинъ въ государствѣ; камбала никакъ не можетъ сдѣлать тебя императрицей — и не можетъ, не можетъ!“ „Что такое“, сказала жена, „я королева, ты же только мой мужъ, сейчасъ пошелъ туда! Сейчасъ отправляйся; если она могла сдѣлать меня королевой, — она сможетъ сдѣлать и императрицей, я хочу, да хочу быть императрицей; иди-же!“ Тогда онъ

долженъ былъ пойти. Но идучи туда, мужу стало страшно, и онъ все думалъ про себя: „нехорошо это, нехорошо это! Быть императрицей — это ужъ слишкомъ. Наконецъ надоѣстъ камбалѣ“.

Такъ про себя думая, подошелъ онъ къ морю; а море-то совсѣмъ почернѣло и загустѣло, и вздулось, и пузырилось, и свисталъ такой сильный вѣтеръ, что рыбаку было страшно. Онъ сталъ на берегу и сказалъ:

„Мантье, Мантье, Тимпе Те“ (и проч.).

„Ну, чего же она хочетъ?“ сказала камбала. „Ахъ, камбала“, сказалъ онъ, „моя жена хочетъ быть императрицей“. „Ступай себѣ только“, сказала камбала, „будетъ по ея желанію“.

Пошелъ рыбакъ домой и увидѣлъ, что весь замокъ изъ полированнаго мрамора съ алебастровыми статуями и золочеными украшеніями. Около дверей маршировали солдаты, въ трубы трубили и били въ барабаны; а внутри замка бароны, графы и герцоги расхаживали и прислуживали, какъ простые слуги: они передъ нимъ отворяли двери изъ чистаго золота. И когда онъ вошелъ, онъ увидѣлъ свою жену, сидящую на тронѣ, сдѣланномъ изъ одного цѣльнаго куска золота, вышиною почти въ 2 мили; на ней была громадная золотая корона въ три локтя вышины, усыпанная бриліантами и карбункулами; въ одной рукѣ былъ у нея скипетръ, а въ другой — держава; и по обѣ стороны у нея стояли въ два ряда драбанты, одинъ меньше другого, отъ самаго громаднаго великана, вышиною въ 2 мили, до самаго маленькаго карлика, съ мизинчикъ. А передъ ней стояло множество князей и графовъ. Тогда мужъ подошелъ къ ней и сказалъ: „ну, жена, ты теперь императрица?“ „Да“, сказала она, „я теперь императрица“. Подошолъ онъ еще ближе и хорошенько посмотрѣлъ на нее, полюбовался и сказалъ: „Ахъ, жена, какъ хорошо тебѣ быть императрицей!“ „Ну, мужъ“, сказала она, „чего ты тамъ стоишь?“ „я теперь императрица, а хочу быть папой, — ступай къ камбалѣ“. „Ахъ, жена“, сказалъ мужъ, „чего ты еще

захотѣла? Папой ты быть не можешь, папа одинъ, вѣдь, во всемъ христіанствѣ. Этого она никакъ не можетъ сдѣлать". „Мужъ", сказала она, „я хочу быть папой, сейчасъ ступай туда, сегодня же я должна быть папой". „Нѣтъ, жена", сказалъ мужъ, „я не могу сказать этого камбалѣ, это и не хорошо, да и слишкомъ ужъ дерзко; камбала не можетъ сдѣлать тебя папой". „Ну, что за вздоръ", сказала жена, „если она могла сдѣлать меня императрицей, она можетъ сдѣлать меня и папой. Сейчасъ ступай, я, вѣдь, императрица, а ты — только мой мужъ, пойдешь, или нѣтъ?" Тогда онъ перепугался и пошелъ; но онъ совсѣмъ упалъ духомъ, задрожалъ и затрепеталъ, и колѣни у него подгибались. Дулъ сильный вѣтеръ, тучи покрывали небо, такъ что стало сумрачно на западѣ, срывало съ деревьевъ листья, а вода плескалась и шумѣла, какъ бы кипя, и разбивалась о берегъ, и вдали онъ увидѣлъ корабли, на которыхъ палили изъ пушекъ, моля о помощи, и которые раскачивались и колыхались на волнахъ. Но, всетаки, на серединѣ неба еще былъ замѣтенъ маленькій клочокъ лазури, а кругомъ было обложено небо грозными тучами. Тогда онъ пошелъ къ берегу совсѣмъ унылый и перепуганный, и сказалъ:

„Мантье, Мантье Тимпе Те" (и проч.).

„Ну, чего же она хочетъ?" сказала камбала. „Ахъ", сказалъ мужъ, „она хочетъ быть папою". „Ступай только, она уже папа", сказала камбала.

Пошелъ онъ обратно, и когда пришелъ, то былъ тамъ громадный соборъ, окруженный со всѣхъ сторонъ дворцами. Тогда онъ пробрался сквозь толпу народа, а внутри все было освѣщено тысячами и тысячами свѣчей, и жена его была одѣта съ ногъ до головы въ золото, и сидѣла на тронѣ, бывшемъ гораздо выше прежняго трона, а на головѣ у ней были три большія золотыя короны. Она была окружена толпой всякаго духовенства, а по обѣ стороны трона стояли въ два ряда свѣчи, самая большая была толщиною въ колокольню, а самая маленькая — какъ огарочекъ въ кухнѣ. А всѣ императоры

и короли стояли передъ ней на колѣняхъ и цѣловали ея туфлю. „Жена“, сказалъ мужъ и пристально посмотрѣлъ на нее, „ты въ самомъ дѣлѣ папа теперь?“ „Да“, сказала она, „я теперь папа“. Тогда онъ подошелъ ближе и смотрѣлъ да смотрѣлъ на нее, и казалось ему, что онъ смотритъ на солнышко красное. Посмотрѣвши такъ нѣкоторое время на нее, онъ сказалъ: „ахъ, жена, какъ хорошо, что ты папа“. А она сидѣла совершенно неподвижно, словно деревянная, и молчала и не двигалась. Тогда онъ сказалъ: „жена, ну теперь ты довольна, ты папа, и ужъ ничѣмъ больше не можешь быть“. „Объ этомъ я еще подумаю“, сказала жена. И затѣмъ они легли спать; но она все еще была недовольна, и ея алчность не давала ей спать, и она не переставала думать о томъ, чѣмъ бы ей можно еще быть.

Мужъ спалъ очень хорошо и крѣпко, потому что онъ много бѣгалъ въ этотъ день; жена же совсѣмъ не могла заснуть, а всю ночь ворочалась съ боку на бокъ, и все придумывала, кѣмъ бы еще ей сдѣлаться, но ничего придумать не могла. А между тѣмъ разсвѣтало, и когда она увидала зарю, она приподнялась въ постели и стала глядѣть изъ окна на восходящее солнце. „А, вотъ“, подумала она, „да развѣ и я не могу управлять заходомъ и восходомъ солнца и луны“. „Мужъ“, сказала она и толкнула его локтемъ подъ ребра, „проснись, иди къ камбалѣ, я хочу быть самимъ Богомъ“. Мужъ не совсѣмъ еще проснулся, но такъ перепугался, что свалился съ кровати. Онъ подумалъ, что ослышался и сталъ протирать себѣ глаза и сказалъ: „ахъ, жена, что такое ты тамъ говоришь?“ „Мужъ“, сказала она, „если я не буду въ состояніи управлять заходомъ и восходомъ солнца и луны и должна видѣть, какъ солнце и луна восходятъ, то я этого переносить не могу и не буду имѣть ни минуты покоя, пока я сама не могу заставлять ихъ восходить и заходить“. И такъ строго на него посмотрѣла, что морозъ пробѣжалъ у него по тѣлу. „Ступай сейчасъ же туда, я хочу быть самимъ Богомъ“. „Ахъ, же-

па", сказалъ мужъ и палъ передъ нею на колѣни, „этого камбала не можетъ сдѣлать. Императрицей и папой она еще могла тебя сдѣлать; прошу тебя, образумься и останься папой". Тогда она пришла въ ярость, волосы у ней взъерошились на головѣ, она разорвала на себѣ платье, ударила мужа ногой и крикнула: „Я не могу терпѣть этого, и не хочу больше этого терпѣть, пойдешь ли ты?" Тогда онъ поспѣшно одѣлъ брюки и бросился бѣжать какъ сумашедшій.

Но поднялась буря и бушевала такъ, что онъ едва могъ держаться на ногахъ: дома и деревья падали, и горы тряслись, и обломки скалъ скатывались въ море, и небо было совсѣмъ черно, и громъ гремѣлъ, и молнія сверкала, и такія высокія, черныя волны ходили по морю, какъ колокольни или горы, увѣнчанныя большой короною изъ бѣлой пѣны. Тогда закричалъ онъ и не могъ разслушать собственныхъ словъ:

„Мантье, Мантье, Тимпе Те,
Камбала, камбала въ морѣ,
Моя жена Ильзебиль
Не хочетъ такъ, какъ я хочу".

„Ну, чего же она хочетъ?" сказала камбала. „Ахъ", сказалъ онъ, „она хочетъ быть самимъ Богомъ". „Ступай домой, она опять сидитъ въ лачужкѣ дрянной".

Такъ они еще и до сегодня сидятъ.

Въ 3 т. „Kinder und Hausmärchen" въ примѣчаніяхъ указано еще нѣсколько нѣмецкихъ варіантовъ, подробнѣе другихъ варіантъ гессенскій, гдѣ мужъ, по требованію жены, выпрашиваетъ у рыбки постепенно домъ, садъ, быковъ и коровъ, страны и царства и срывается на просьбѣ, чтобы онъ былъ Богомъ, а жена его Богородицей.

Любопытно, что и въ померанскомъ, и въ гессенскомъ варіантахъ мѣстами находятся стихи (обращенія къ рыбкѣ, послѣдній отвѣтъ рыбки); напр. въ гессен-

скомъ варіантѣ рыбка на послѣднюю безразсудную просьбу мужа отвѣчаетъ:

Willst du sein der liebe Gott,
So geh wieder in deinen Pispott.

Нѣчто подобное могло быть и въ томъ великорусскомъ варіантѣ сказки, которымъ воспользовался Пушкинъ, т. е. нѣчто такое, что служитъ мостомъ для перевода сказки изъ прозы въ стихи и въ этомъ отношеніи могло воздѣйствовать на художественную натуру Пушкина.

Если въ померанскомъ варіантѣ выбросить пожеланіе божеской власти, что напоминаетъ малорусскіе варіанты, и въ особенности мотивы объ императорствѣ и папствѣ, что служитъ какъ бы отзвукомъ средневѣковаго положенія этихъ властей, то получится весьма близкая параллель къ русскимъ сказкамъ.

Изъ отдѣльныхъ мотивовъ нѣмецкой сказки отмѣтимъ тотъ, какой, вѣроятно, былъ и въ пушкинскомъ оригиналѣ, какимъ Пушкинъ мастерски воспользовался— мотивъ постепеннаго усиленія мрачныхъ красокъ въ обрисовкѣ моря. Изъ другихъ замѣчательныхъ совпаденій подчеркнемъ лишь дурное обращеніе жены съ мужемъ (ударила ногой), робкія противорѣчія мужа, первую встрѣчу мужа съ женой на крыльцѣ, упоминаніе о конюшнѣ.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ примыкаетъ къ тому широкому циклу восточныхъ (азіатскихъ) и западныхъ (европейскихъ) сказаній, въ которыхъ одно, два или нѣсколько лицъ получаютъ отъ сверхъестественнаго существа дары, которые, однако, по винѣ самихъ просителей, или приносятъ вредъ или исчезаютъ и остается, какъ въ сказкѣ Пушкина, statu quo ante. Въ послѣднее время въ западно-европейской научной литературѣ на этотъ циклъ сказаній обратилъ вниманіе *Бедье*, посвятившій имъ въ капитальномъ трудѣ о фабльо нѣсколько цѣнныхъ страницъ (177—193). Не принявъ во вниманіе восточныхъ европейскихъ сложныхъ варіантовъ типа сказки

о рыбакѣ и рыбкѣ, каковы были отмѣчены нами выше, Бедье извѣстные ему восточно-азіатскія и западно-европейскія сказанія этого рода — всего 22 — распредѣляетъ по такимъ разрядамъ, постепенно переходя отъ простыхъ къ сложнымъ:

1) *Удовлетвореніе одного желанія.* По совѣту жены, одинъ ткачъ выпросилъ себѣ чудесный даръ — дѣлается двухъ-головымъ и четыре-рукимъ; но лишь онъ вошелъ въ село, какъ народъ принялъ его за злого духа и убилъ. Въ такой формѣ разсказъ этотъ встрѣчается въ Панчатантрѣ (о чемъ подробнѣе, кромѣ Бедье, см. у Delongschemps стр. 53—55).

2) *Удовлетвореніе двухъ желаній двухъ разныхъ лицъ.* Въ одной баснѣ Федра двѣ женщины не особенно любезно приняли Меркурія. Онъ предложилъ имъ исполнить два желанія; одна женщина, замужняя, пожелала, чтобы у ея ребенка скорѣе выросла борода, другая — куртизанка, чтобы за нею все и все тянулось, къ чему она ни прикоснется. Меркурій улетѣлъ: когда женщины вошли въ домъ, то у ребенка въ колыбели оказалась превосходная борода; при взглядѣ на нее куртизанка расхохоталась и взяла себя за носъ; но потомъ она увидѣла, что носъ тянется за ея рукой, traxitque ad terram nasi longitudinem.

3) *Одинъ и тотъ же даръ одному обращается въ пользу, другому во вредъ.* Въ китайскомъ разсказѣ богъ Фо (Будда) въ благодарность за хорошій пріемъ предоставляетъ бѣдной женщинѣ продолжать цѣлый день начатое дѣло. Она начала утромъ мѣрить холстъ на аршинъ, и до вечера шелъ чудеснымъ образомъ холстъ, такъ что наполнилъ весь домъ. Ея сосѣдка, богатая и завистливая, получила отъ Фо такое же обѣщаніе; но вмѣсто того, чтобы приняться за мѣреніе холста, она пошла съутра поить скотъ, и цѣлый день лила воду, такъ что вышло цѣлое наводненіе. Въ Западной Европѣ подобныя сказки записаны въ Германіи и во Франціи.

4) *Удовлетвореніе трехъ желаній трехъ разныхъ лицъ.* Во французской сказкѣ феи, протанцовавъ съ тремя парнями, предлагаютъ каждому выполнить желаніе. Старшій братъ высказываетъ желаніе, чтобы всякій излѣчивался отъ колотья въ животѣ, взявшись за хвостъ его теленка; средній братъ, пораженный глупымъ желаніемъ старшаго брата, желаетъ, чтобы у послѣдняго выросли бараньи роги; младшій желаетъ среднему собачью голову. Добрыя феи все это устраняютъ [1]).

5) *Три пожеланія: исполненное желаніе жены не нравиться мужу; исполненіе его желанія лишь ухудшаетъ положеніе; исполненіе третьяго желанія возстановляетъ statu quo ante.* Существуетъ много сказокъ на эту тему. Бедье раздѣляетъ ихъ на нѣсколько разрядовъ, смотря по тому, потеряны дары по разсѣянности или небрежности жены, по ея кокетству или по ея чувственности. Разсказы послѣдняго рода весьма неприличны, и Бедье на нихъ не останавливается. Въ этотъ (№ 5) разрядъ входитъ много сказокъ разнаго времени и разныхъ народовъ, нѣмецкія, французскія, испанская, венгерская, индійская. Любопытны еще тѣ сказки этого разряда, въ которыхъ содержаніе развито и осложнено по началамъ удвоенія и контраста: сверхъестественное существо исполняетъ желаніе доброй семьи за гостепріимство и параллельно наказываетъ злыхъ за корыстолюбіе. Такъ, въ одной нѣмецкой сказкѣ бѣдняки получаютъ отъ Бога обѣщаніе вѣчной жизни, хлѣбъ и хорошій домъ; удовлетвореніе пожеланій злыхъ людей идетъ во вредъ имъ, т. е. вредитъ женѣ, потомъ мужу и лишь за третьимъ разомъ устанавливается statu quo ante.

Русскія и др. сказки типа разобранной пушкинской сказки устранили контрастъ; онѣ удовлетвореніе желаній перенесли всецѣло на одну сторону — мужа или жены — поставивъ другую въ служебное положеніе.

---

[1]) Грузинскую сказку на этотъ мотивъ см. въ Сборникѣ матер. для изуч. Кавк. XIII, 45.

Уже въ русскихъ сказкахъ, какъ мы видѣли, податели благъ бываютъ различные (рыбка, дерево, птица). Еще болѣе различія въ этомъ отношеніи въ варіантахъ, отмѣченныхъ у Бедье. Это „Le bon Dieu“, свв. Петръ и Павелъ, богъ Фо, Меркурій, домовой, горныя феи, Аллахъ, Счастье, карликъ, духъ дерева сипсапа.

Не смотря на значительное число собранныхъ варіантовъ, сказка о рыбакѣ и рыбкѣ принадлежитъ къ самымъ темнымъ въ историко-литературномъ отношеніи. Всѣ варіанты въ совокупности ничего не говорятъ ни о мѣстѣ зарожденія сказки, ни о путяхъ ея распространенія, ни о способахъ ея диференціаціи и обработки. Если простѣйшія формы принимать за древнѣйшія, что въ литературной исторіи не всегда бываетъ, то и сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, какъ многія другія, можно будетъ считать вышедшей изъ далекой Индіи. Несомнѣнно лишь то, что всѣ сказки этого рода давно уже циркулируютъ въ Европѣ и въ частности въ Россіи.

б) *Опытъ разбора сказки съ педагогической точки зрѣнія.*

По высокимъ педагогическимъ достоинствамъ, по ясности, простотѣ, моральной чистотѣ и художественной красотѣ сказка Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ единственное произведеніе. Въ „Запискахъ“ *А. О. Смирновой* находится любопытное указаніе, что у Пушкина былъ оригинальный планъ воспитанія своихъ дѣтей съ самаго ранняго возраста. Въ этомъ планѣ замѣчательна одна черта — народность воспитанія. Пушкинъ находилъ, что „нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать дѣтскую и народную литературу; есть только одинъ способъ найти ее—это изучить ту, которая существуетъ у всѣхъ народовъ; но надо дать этой литературѣ бо̀льшую обработанность, отбросить все грубое, но не посягая на присущіе ей умъ и истину“.

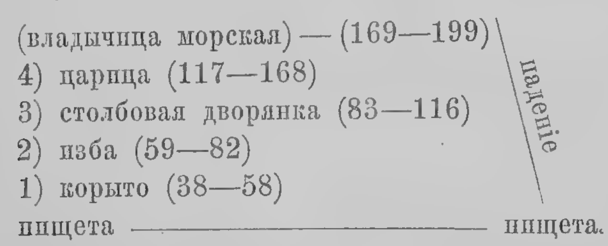
Исходя изъ такой мысли, Пушкинъ задумалъ писать для своихъ дѣтей сказки и легенды, приспособить уже существующія, а также житія святыхъ, изложивъ ихъ доступнымъ русскимъ языкомъ". Изъ этого видно, что народность въ воспитаніи понималась Пушкинымъ весьма широко, въ значеніи нравственныхъ идеаловъ, выработанныхъ русскимъ и другими народами въ сказкахъ, пѣсняхъ и легендахъ. Пушкинъ намѣтилъ тотъ путь, которымъ позднѣе пробовали идти такіе выдающіеся люди, какъ гр. Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, Т. Шевченко, Н. И. Костомаровъ. Если бы Пушкинъ не погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, то, можно быть увѣреннымъ, онъ сдѣлалъ бы очень много въ этомъ направленіи.

Въ педагогической практикѣ нужно дорожить цѣльностью художественнаго впечатлѣнія, и большой грѣхъ берутъ на свою душу тѣ педагоги, которые при разборѣ стихотвореній прежде всего дробятъ ихъ на части, выуживаютъ основную мысль и уснащаютъ свои объясненія толкованіемъ отдѣльныхъ словъ. Все это должно быть отнесено на третье или, по меньшей мѣрѣ, на второе мѣсто.

Сказку нужно прежде всего получше, повыразительнѣе прочитать цѣликомъ. Такое чтеніе немногіе ученики могутъ выполнить удовлетворительно; цѣлесообразнѣе всего исполнить это учителю, предварительно подготовившись, т. е. обдумавъ предварительно хотя бы по первымъ 10—20 строкамъ интонацію въ связи съ особенностями текста. Такъ, въ первыхъ 13 стихахъ чтеніе должно идти, съ небольшой остановкой между 6 и 7 стихами, спачала ровно, спокойно, затѣмъ съ повышеніемъ тона на 7, 9, 11 и въ особенности на 13 стихѣ, гдѣ въ самой интонаціи надо выразить удивленіе, что рыбка поймалась не простая, а золотая. Далѣе, съ 14 стиха должно читать ровнѣе, спокойнѣе, подчеркивая слова „человѣчьимъ", „ласковое", а слова рыбака къ рыбкѣ такъ прочесть, чтобы въ нихъ сквозило чувство доброты и ла-

ски. Затѣмъ должна слѣдовать значительная пауза послѣ 27 стиха, и т. д. черезъ все стихотвореніе.

Итакъ сказка прочитана и прослушана. Нужно ли поручать ученикамъ пересказывать ее своими словами въ цѣломъ и по частямъ, какъ это часто дѣлается въ педагогической практикѣ, какъ это рекомендовано даже такимъ опытнымъ педагогомъ, какъ Говоровъ? По моему мнѣнію, не нужно. Лучше сбережемъ, сохранимъ и закрѣпимъ то цѣльное, художественное впечатлѣніе, которое вынесли ученики, не нарушая его искаженіями и порчей въ ученическихъ передачахъ. По моему, учитель лекторъ можетъ ограничиться тѣмъ, что напишетъ на доскѣ и ученики перепишутъ для памяти въ тетради схему сказки, поднимаясь снизу вверхъ:



Обратимся къ отдѣльнымъ частямъ сказки. Въ педагогической практикѣ разборъ частей путь опасный. Интересы цѣлаго очень часто приносятся въ жертву частямъ, подчасъ еще плохо понятымъ и плохо истолкованнымъ. Даже весьма почтенные педагоги легко увлекаются частностями, вдаваясь въ излишнія филологическія, литературныя, историческія или бытовыя коментаріи, или, безъ коментарій, въ массу дробныхъ, мелкихъ, лишнихъ вопросовъ по пересказу содержанія по строкамъ или даже по отдѣльнымъ словамъ. Послѣдній недостатокъ — обиліе и мелочность вопросовъ — обнаруживается, между прочимъ, въ „Краткомъ руководствѣ къ первоначальному преподаванію русскаго языка“ Ѳ. И. Буслаева 1867 года. Такъ, на одну только строку „старикъ ловилъ неводомъ рыбку“ здѣсь мы находимъ слѣдующій рядъ вопросовъ: о комъ говорится? что дѣлалъ старикъ? что ловилъ

старикъ? чѣмъ ловилъ старикъ рыбу? кромѣ невода еще чѣмъ можно ловить рыбу? какъ называется тотъ, кто ловитъ рыбу? На слѣдующій затѣмъ стихъ: „старуха пряла свою пряжу" идутъ вопросы: опять о старикѣ говорится или нѣтъ? чѣмъ же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть ленъ, коноплю, шерсть? какъ называется женщина, которая прядетъ? все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Я считаю цѣлесообразнымъ такой разборъ. Не перепечатывая большой сказки Пушкина, ставлю передъ стихами №№ и отмѣчаю главное содержаніе по слѣд. №№, причемъ оговариваю, что отмѣченныя ниже части сказки прочитываются уже учениками, разными учениками, съ надлежащими поправками со стороны преподавателя:

№№ 1—6. Вопросы: о комъ говорится въ этихъ стихахъ? что говорится? чѣмъ занимались старики? что такое неводъ? что такое пряжа?

№№ 7—13. Вопросы: сколько разъ закидывалъ рыбакъ неводъ? что ему попалось въ 1, 2 и 3 разъ? какая разница между вторымъ и третьимъ уловомъ, или чѣмъ отличается тина отъ травы морской?

№№ 14—18. Вопросы: о чемъ просила рыбка, какимъ голосомъ? что такое „старче"?

№№ 19—27. Вопросы: какое впечатлѣніе на рыбака произвела рѣчь рыбки? что онъ отвѣтилъ и въ какомъ тонѣ? какъ бы вы поступили на мѣстѣ рыбака?

№№ 28—37. Вопросы: что сказалъ рыбакъ женѣ, по возвращеніи домой? что въ его словахъ есть новаго? (новое — лишь одинъ 36-ой стихъ). Какая разница между: „поймалъ рыбку" и какъ въ 30 ст. „поймалъ было рыбку"?

№№ 38—58. Какъ отнеслась жена? что она сперва потребовала отъ мужа? каково было море при первой просьбѣ старика? что отвѣтила рыбка?

№№ 59—82. Въ чемъ выразилось второе желаніе старухи? каково было тогда море? отвѣтъ рыбки? какой видъ имѣла новая изба? что такое тесовыми вороты? (старо-славянская форма творит. п. вм. воротами; тесовые — изъ пиленыхъ досокъ); что такое свѣтелка? (чистая и свѣтлая комната).

№№ 83—116. Третье требованіе старухи? что значитъ черная крестьянка? (простая, въ старинномъ значеніи черносошныхъ крестьянъ, черная подать — народная и т. д.); что такое столбовая дворянка? (т. е. записанная въ документъ — „столбецъ"; столбовые дворяне — потомственные; они имѣли право держать крестьянъ; этихъ привилегій не имѣли дворяне личные). Видъ моря? какую одежду носили дворянки стараго времени? (кофту на соболяхъ, на головѣ парчевая кичка, жемчужное ожерелье, золотые перстни, красные сафьяновые сапоги); обстановка дворянская? (теремъ, конюшни); поведеніе неблаговоспитанной выскочки дворянки? (бьетъ, за чупрынъ таскаетъ).

№№ 117—168. Четвертое требованіе старухи? какъ отнесся къ нему старикъ? видъ моря? почему здѣсь вездѣ ласкательное „старичекъ"? (сочувствіе поэта на сторонѣ угнетаемаго добряка); царская обстановка? (вина заморскія, пряники печатные, т. е. съ оттиснутыми сверху фигурами, грозная стража съ топориками на плечахъ); какъ обошлись съ старикомъ? правильно ли посмѣялся надъ нимъ народъ?

№№ 169—199. Пятое требованіе старухи? въ чемъ наглость этого требованія? (старуха хочетъ благодѣтельницу рыбку обратить въ слугу); видъ моря? какъ отнеслась къ просьбѣ старика рыбка?

№№ 200—204. Ждалъ ли старикъ отвѣта? что увидѣлъ онъ по возвращеніи домой?

Основная мысль: люди склонны желать все бóльшаго и бóльшаго; чѣмъ болѣе они пріобрѣтаютъ, тѣмъ бóльшаго желаютъ, и чѣмъ легче пріобрѣтаютъ, тѣмъ менѣе

потомъ дорожать пріобрѣтеннымъ, пока, наконецъ, черезъ свои безразсудныя искательства не потеряютъ всего того, что прежде имѣли.

Раскрытіе этой мысли во внѣшней формѣ и въ языкѣ. Уже по числу стиховъ можно видѣть, какъ растутъ желанія старухи, и какъ она забираетъ все выше и выше: на корыто отведено 20 стиховъ, на избу 23, на дворянство 33 и на царство 51. Претензія старухи на морское владычество, какъ неудавшаяся, выражена всего въ 30 стихахъ. У геніальнаго поэта, каковъ былъ Пушкинъ, все развивается послѣдовательно и соразмѣрно. Непомѣрный ростъ вождѣленій старухи отмѣченъ въ самомъ языкѣ. Когда рѣчь шла лишь о корытѣ, старикъ говорилъ рыбкѣ, что старуха его разбранила и не даетъ ему покоя; когда ему пришлось просить избу, онъ добавилъ про жену: „сварливая баба"; когда рѣчь зашла о дворянствѣ, старикъ признается, что „пуще прежняго старуха вздурилась"; а когда старуха захотѣла быть царицей,

Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство...

Онъ говоритъ затѣмъ рыбкѣ, что жена его „бунтуетъ".

Параллельно этому въ сказкѣ разбросаны мелкія, но чрезвычайно знаменательныя характеристики моря. Золотая рыбка все время держитъ себя одинаково благодушно и, награждая старика, всякій разъ говоритъ одни и тѣ же доброжелательныя слова: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!" За нее все болѣе и болѣе сердится море. Точно живое, оно слышитъ просьбы старика, возмущается и негодуетъ. Когда старикъ просилъ корыто, „море слегка разыгралось"; когда онъ просилъ избу, „помутилось синее море"; при выпрашиваніи дворянства, „неспокойно синее море"; при выпрашиваніи царской власти, „почернѣло синее море". Когда же старикъ завелъ рѣчь о морскомъ владычествѣ,

Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись синія волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ...

Глубина народности отчасти обусловлена искуснымъ введеніемъ выразительныхъ простонародныхъ словъ и выраженій: синее море, ласковое слово, заморскія вина, тесовыя ворота; взмолится, молвитъ, кликать, добро (въ значеніи хорошо!); за чупрынъ таскаетъ, бѣлены объѣлась, въ шеи затолкали, не садися не въ свои сани, поперекъ слова молвитъ, говорить честью.

Сказка о царѣ Салтанѣ.

Сказка о царѣ Салтанѣ, сынѣ его Гвидонѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди самая обширная изъ всѣхъ пушкинскихъ сказокъ. Три сестры похваляются — старшая, что она приготовила бы пиръ на весь міръ, если бы стала царицей, средняя, что она въ такомъ случаѣ на весь міръ наготовила полотна, а младшая, что она родила бы богатыря. Царь услышалъ, женился на младшей сестрѣ, а старшихъ взялъ во дворецъ — одну поварихой, другую ткачихой. Послѣднія завидуютъ и злятся. Царь отправился въ походъ, а жена въ его отсутствіе родила сына, но сестры ея и „сватья баба Бабариха“ подмѣнили ея письмо другимъ, гдѣ прописали, что царица родила „невѣдому звѣрюшку“. Царь предписалъ ждать его рѣшенія по возвращеніи; но сестры и Бабариха снова подмѣниваютъ письмо приказаніемъ бросить царицу и приплодъ въ бездну водъ. Бояре бросаютъ ихъ въ бочкѣ въ море. Богатырь ребенокъ вышибаетъ дно и выходитъ съ матерью на землю, идетъ на охоту и освобождаетъ лебедь отъ коршуна. Убитый имъ коршунъ былъ чародѣй, а избавленная лебедь морская царевна. Она даетъ Гвидону въ благодарность цѣлый городъ. Тетки и Бабариха, чтобы отклонить Салтана отъ поѣздки на островъ Гвидона, вмѣсто чуднаго города указываютъ въ первый разъ на

бѣлку, которая грызетъ орѣшки — „скорлупки золотыя, ядра — чистый изумрудъ“, другой разъ на 33 морскихъ богатырей, и третій разъ на прекрасную дѣвицу съ мѣсяцемъ подъ косой и со звѣздой на лбу. Гвидонъ слышалъ эти сообщенія, и разъ укусилъ въ видѣ комара повариху въ правый глазъ, другой разъ въ видѣ мухи укусилъ ткачиху въ лѣвый глазъ и въ третій разъ въ видѣ шмеля укусилъ Бабариху въ носъ. Возвратившись на свой островъ Буянъ, Гвидонъ при помощи лебеди получаетъ чудесную бѣлку, богатырей, красавицу (сама лебедь—царевна), и каждый разъ проѣзжіе купцы сообщаютъ Салтану о новомъ чудесномъ явленіи на островѣ Баянѣ. Салтанъ наконецъ не утерпѣлъ, поѣхалъ къ Гвидону. Здѣсь онъ видитъ бѣлку, богатырей, красавицу, встрѣчаетъ и узнаетъ жену. На радости онъ прощаетъ клеветницъ и отпускаетъ ихъ всѣхъ домой.

Прежде чѣмъ перейти къ литературнымъ параллелямъ замѣтимъ нѣсколько характерныхъ особенностей сказки въ пушкинской ея передѣлкѣ. Наиболѣе своеобразной ея чертой, повидимому, совсѣмъ чуждой народнымъ версіямъ, т. е. всецѣло пушкинской вставкой, представляется заключительное прощеніе злыхъ сестеръ. Эта черта вполнѣ отвѣчаетъ гуманистическому міросозерцанію Пушкина. Изъ переписки Плетнева съ Гротомъ, недавно изданной, извѣстно (т. I, стр. 495), что Пушкинъ, прогуливаясь однажды съ Плетневымъ незадолго до кончины, говорилъ о судьбахъ Промысла, причемъ, по словамъ Плетнева, онъ „выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благоволенія ко всѣмъ“. Поэзія Пушкина проникнута этимъ высокимъ качествомъ, какъ это видно въ особенности по стихотвореніямъ „Аріонъ“, „Аквилонъ“, „Туча“, „И путникъ усталый“.

Пушкинская сказка стоитъ несравненно выше соотвѣтствующихъ народныхъ варіантовъ. Содержаніе тутъ не такъ важно, какъ внѣшняя форма изложенія и частности. Содержаніе общее у всѣхъ сказокъ этого разряда. У Пушкина ему приданъ широкій эпическій размахъ;

достигнуто это эпическими пріемами повтореній, амплификаціей и многими необыкновенно удачными словоыраженіями. Мѣстами встрѣчаются изящныя обращенія къ природѣ, напр., въ рѣчи Гвидона къ океану:

Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли
Подымаешь корабли . . .

Сказка эта неудобна для малолѣтнихъ, въ особенности неудобна для подростковъ — по своей житейской откровенности, какъ молодыхъ положили на кровать слоновой кости, какъ Салтанъ пожелалъ, чтобы жена родила ему сына богатыря къ исходу сентября, и какъ царица молодая, обѣщанье выполняя, съ первой же ночи понесла—все подробности не педагогическаго свойства, и нѣсколько странно, что сказка эта фигуруетъ въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ. Но, исключая ее изъ школы — благо у Пушкина найдется многое другое въ замѣнъ ея, болѣе цѣнное въ строго педагогическомъ смыслѣ, исключая ее изъ педагогической практики, нельзя не признать, что она вполнѣ годится для взрослыхъ, какъ интересное, живое и бойкое литературное произведеніе.

Въ печати дано много великорусскихъ народныхъ варіантовъ пушкинской сказки о царѣ Салтанѣ. У одного Аѳанасьева (изд. 2, т. III 10—41 и IV 368—388) данъ рядъ варіантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи, и уже Аѳанасьевъ (IV 377) замѣтилъ, что „великій поэтъ мастерски воспользовался простодушными разсказами живого народнаго слова". Аѳанасьеву же принадлежитъ честь перваго подбора иноплеменныхъ варіантовъ; подборъ этотъ, впрочемъ, не великъ, и отчасти осложненъ внесеніемъ сказокъ объ оборотничествѣ гонимыхъ типа миѳа объ Амурѣ и Психеѣ. Сказки этого рода составляютъ особый весьма обширный циклъ. Великорусскіе варіанты заключаютъ мно-

го такихъ подробностей, которыхъ нѣтъ у Пушкина; въ однихъ народныхъ варіантахъ сохранились однѣ черты пушкинской сказки, въ другихъ — другія, въ общемъ почти ко всѣмъ мотивамъ пушкинской сказки можно подобрать соотвѣтствующія тожественныя или весьма сходныя мѣста въ народныхъ сказкахъ въ сборникахъ Аѳанасьева, Худякова, Садовникова. Въ особенности много сходнаго даютъ курскій и саратовскій варіанты въ сборникѣ Аѳанасьева: три сестры, похвальба ихъ, женитьба Ивана царевича на младшей, рожденіе ею чудесныхъ дѣтей — по колѣни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, зависть старшихъ сестеръ, козни подкупленной ими повивальной бабки, замѣняемой въ нѣкоторыхъ варіантахъ бабой Ягой или ея дочерью, подмѣнъ ребенка или ребятъ щенками или котятами, быстрый ростъ въ бочкѣ ребенка, чудесная его дальнѣйшая судьба — таковы обычныя черты сказки почти во всѣхъ ея варіантахъ. Чудесные предметы добываются различными средствами, или „по моему прошенію, божью благословенію“, или при посредствѣ чудесной дудочки, при содѣйствіи встрѣчнаго старика, при участіи св. Николая Чудотворца. Чудесные предметы разнообразны по варіантамъ — чудесная мельница, ученый котъ (встрѣчается въ началѣ „Руслана и Людмилы“ Пушкина), райскія птицы, золотая сосна и пр. т. п. Въ саратовскомъ варіантѣ герой сказки оборачивается въ муху, потомъ въ комара и кусаетъ въ лицо коварную свою тетку, варіантъ этотъ у Пушкина въ особенности мастерски обработанъ. Посредниками являются или странствующіе нищіе или купцы-торговцы. Въ саратовскомъ варіантѣ сестры названы дочерями короля Додона, а меньшая — героиня сказки — Марья Додоновна. О злыхъ сестрахъ послѣ счастливой развязки или совсѣмъ нѣтъ помину, или Иванъ-царевичъ казнитъ ихъ лютой смертью—разстрѣливаетъ (сарат.), разрываетъ желѣзной бороной (гродпен.).

Уже Аѳанасьевъ указалъ сходныя славянскія и нѣмецкія сказки и пѣсни, правда, въ небольшомъ числѣ,

и сходныя по отдѣльнымъ мотивамъ (IV 375 и сл.). Въ новое время издано много весьма близкихъ славянскихъ варіантовъ; таковы галицко-русскій въ IV т. „Pokucie“ Кольберга (дѣйствуетъ злая чаровница), польскія въ сборникѣ г. Цишевскаго 120 и сл. (злая мачеха), Chelchowski №№ 23, 38 (мачеха, злыя сестры), въ Wisla 1890 стр. 235 (чаровница) и др.

Въ Галиціи записана весьма интересная пѣсня-сказка, близкая къ пушкинской версіи, чуть ли не единственная народная стихотворная передача даннаго сказочнаго сюжета:

Ой доловъ ми, доловъ, тамъ доловъ далеко,
Тамъ же ми стоитъ три круга ярины!
Пошли ми ей жати три красни дѣвойки:
Една пошла жати гарда рихтарёва,
Друга пошла жати гарда бургарёва,
Третя пошла жати вбога сиротойка.
Гарда рихтарёва такъ си заспѣвала:
„Кобы мене кроль взявъ, приодѣла бы'мъ го
Едновъ конопельковъ и еднымъ стебельцемъ“.
Гарда бургарёва такъ си заспѣвала:
„Кобы мене кроль взявъ, выховала бы'мъ го
Едновъ пшеничейковъ и еднымъ зеренцемъ“.
Вбога сиротойка такъ си заспѣвала:
„Кобы мене кроль взявъ, породыла бы'мъ му
Сынойка такого зъ яснымъ мѣсячейкомъ,
Зъ яснымъ мѣсячейкомъ и зъ яснымъ звѣздойкомъ“.
А си кролейко на ловойки ѣхавъ,
На ловойки ѣхавъ, то слово заслышавъ:
„Дѣвойко, дѣвойко, вбога сиротойко!
Ци бы'сь такъ зробила, якъ есь выгварила?“...
„Якъ бы'мъ не зробила, то бы'мъ не гварила“.

Пѣсня длинная, въ 56 стиховъ. Король взялъ третью дѣвицу въ „свои бѣлы грады“, а черезъ шесть мѣсяцевъ женился на ней („строили весилля“). Жена родила обѣщаннаго сына; но „зла проклята баба сынойка хопила,

до орда заднила, въ Дунай го трутила", а вмѣсто него положила козленка. Король возвратился съ охоты и бросилъ жену въ Дунай. Королева доплыла къ берегу, нашла своего сына, ушла съ нимъ въ темный лѣсъ и здѣсь его купала. Король поѣхалъ на охоту, нашелъ въ лѣсу жену и сына, привелъ ихъ домой въ свои бѣлы грады, а

Злу, прокляту бабу казавъ росстрѣляти,
Казавъ росстрѣляти, коньми росторгати.
(*Головац.* I 89—90).

Участіе сестеръ въ русинской версіи забыто, и потому козни бабки не мотивированы. Конецъ эпическій сказочный.

Сказка Пушкина о царѣ Гвидонѣ встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ. Въ западной научной литературѣ есть цѣнныя замѣчанія по этому поводу у Келера и Коскена. Коскенъ пользовался Келеромъ. Въ примѣчаніяхъ къ сказкѣ о птицѣ правды въ 1 т. „Contes popul. de Lorraine" стр. 190—200 онъ даетъ весьма цѣнный литературный разборъ сказки.

Сказки даннаго мотива имѣютъ большею частью вступленіе, въ одникъ варіантахъ болѣе сложное и цѣльное, въ другихъ сокращенное. Въ полныхъ варіантахъ (сказки сицилійская, бразильская, испанская, тирольская), каковы извѣстны и по сборникахъ русскихъ сказокъ, три сестры. Старшая говоритъ, что если бы женился на ней царевичъ, то она 4 зернами хлѣба прокормила бы все войско (вар. одѣла его изъ одного куска сукна). Средняя говоритъ, что она напоила бы все войско однимъ стаканомъ вина, и еще осталось бы вино. Младшая говоритъ, что она родила бы сына съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ и дочь съ золотой звѣздой на лбу. Царевичъ подслушалъ эти рѣчи и женился на младшей. Дальнѣйшее содержаніе сказки въ большинствѣ варіантовъ развивается на томъ мотивѣ, что старшія сестры изъ зависти строятъ козни своей младшей сестрѣ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ поименованныхъ сказокъ сестры обѣщаютъ — старшая

сшить царевичу превосходную рубашку, вторая — сшить штаны, третья родить троихъ дѣтей съ коронами на головахъ. Изрѣдка фигурируетъ вмѣсто царевича какое-нибудь чиновное лицо изъ придворныхъ. Иногда предисловіе упрощается въ такомъ смыслѣ, что старшія сестры высказываютъ лишь пожеланія выйти замужъ за царскаго садовника, придворнаго лакея, а меньшая за царевича съ обѣщаніемъ подарить ему чудесныхъ сына и дочь (таковы сказки италіанская, венгерская, сербская, греческая и др.). Сокращеніе далѣе идетъ въ варіантахъ, гдѣ одни пожеланія и нѣтъ обѣщанія меньшей сестры (сказки италіанская, исландская, вестфальская и друг.). Встрѣчаются, наконецъ, варіанты (напр. лотарингская сказка у Коскена, нѣмецкая, сицилійская), безъ введенія, причемъ дальнѣйшее изложеніе сказокъ этого рода заключаетъ въ себѣ указанія, что введеніе выпало; такъ въ изложеніи этомъ тѣ подробности, которыя представляются мотивированными лишь данными введенія, напр., рожденіе царицей чудесныхъ дѣтей, ненависть къ ней сестеръ.

Содержаніе сказки состоитъ въ томъ, что въ однихъ варіантахъ сестры, въ другихъ замѣняющая ихъ мать короля (свекруха лихая), а въ одномъ испанскомъ испорченномъ ея братья подмѣняютъ чудесныхъ дѣтей щенками, котятами, а дѣтей и мать ихъ или однихъ дѣтей пускаютъ въ ящикѣ, бочкѣ или лодкѣ въ море.

Дѣтей находитъ рыбакъ, или мельникъ, или садовникъ, или купецъ. Въ одной сицилійской сказкѣ три ребенка выброшены на съѣденіе собакамъ; но три феи принимаютъ въ нихъ участіе и надѣляютъ ихъ чудесными предметами. Во многихъ варіантахъ чудесныя дѣти случайно открываютъ свое иноземное происхожденіе, поссорившись съ дѣтьми сверстниками; иногда узнаютъ отъ своихъ покровителей, что они найденыши.

Дѣти выросли, пошли искать родителей, попали къ отцу во дворецъ, и тутъ сестры или мать, ихъ тетки или бабка дѣлаютъ попытки погубить ихъ, подбиваютъ царя

давать имъ трудно исполнимыя порученія, которыя однако они выполняютъ при какой-нибудь сверхъ-естественной помощи, большей частью доброй феи. Порученія: принести танцующую воду, поющую розу и говорящую птицу (вар. вода живая, молодящая).

Сказки разбираемаго мотива циркулируютъ въ Европѣ издавна. Въ „Le Gage touché“, изд. въ Парижѣ въ 1722 г., сказка напечатана въ полной формѣ: три сестры, пожеланія и обѣщанія, врагомъ дѣтей выступаетъ мать короля, чудесные предметы: поющее яблоко, танцующая вода и говорящая правду птица.

У италіанскаго новеллиста половины XVI ст., Страпаролы приведена тожественная сказка: три сестры съ пожеланіями и обѣщаніями. Младшая выходитъ замужъ за царевича и родитъ двухъ сыновей и дочь — всѣхъ съ золотыми волосами и со звѣздой на лбу. Они подмѣнены щенятами и выброшены въ ящикѣ въ рѣку; мельникъ нашелъ ихъ и выростилъ. Порученія тожественны съ предыдущими. Братья при отыскиваніи чудесной птицы окаменѣли, но сестра ихъ нашла, оживила и захватила птицу. Вставной мотивъ временнаго окаменѣнія брата встрѣчается во многихъ сказкахъ, какъ указано Коскеномъ (стр. 193).

Сказка эта отмѣчена въ одномъ португальскомъ сборникѣ разсказовъ, изданномъ въ 1575 году. Три сестры, обычныя пожеланія и обѣщанія. Родятся два сына и дочь, „прекрасныя какъ золото“. Сестры подмѣнили дѣтей змѣями. Царь изгналъ царицу съ дѣтьми. Они нашли пріютъ въ монастырѣ. Конца сказки съ порученіями нѣтъ. Злоба сестеръ раскрыта старой служанкой.

Сходная сказка вошла далѣе въ L'Histoire du Schevalier au Cygne, изд. въ 1499 г. Царица родитъ здѣсь 6 сыновей и дочь. Мать царя подмѣниваетъ ихъ щенятами и приказываетъ слугѣ убить дѣтей. Слуга пожалѣлъ ихъ, а одинъ пустынникъ ихъ принялъ и выростилъ. На 7-лѣтнемъ возрастѣ они были узнаны злой бабкой, и,

когда она подослала къ нимъ убійцу, они обратились въ лебедей.

Сказка пользуется популярностью и въ Азіи, причемъ индійскіе и арабскіе варіанты представляютъ много общаго съ русскими, особенно арабскій изъ Мессопотаміи, отмѣченный у Коскена I стр. 196. Въ одномъ индійскомъ варіантѣ царица рожаетъ 100 сыновей и дочь, но служанка, по просьбѣ 12 бездѣтныхъ женъ царя, выбросила дѣтей на навозную кучу и вмѣсто нихъ положила въ колыбели камни. Бѣдная мать была обвинена въ чародѣйствѣ, заключена въ тюрьму, и освобождена дѣтьми послѣ многихъ приключеній. Въ другомъ индійскомъ разсказѣ дочь садовника сказала, что если бы женился на ней царь, то она родила бы ему сына съ луной на лбу и со звѣздой на подбородкѣ. Обѣщаніе исполнено. Повивальная бабка, по просьбѣ бездѣтныхъ женъ царя, кладетъ въ колыбель камень, а ребенка въ ящикѣ выноситъ въ лѣсъ. Ребенку помогаетъ потомъ собака, корова и лошадь. Царевичъ послѣ разныхъ приключеній раскрываетъ правду и освобождаетъ мать. Роль говорящей птицы здѣсь играетъ лошадь.

Въ арабской сказкѣ царь подслушалъ разговоръ трехъ сестеръ, изъ которыхъ старшая обѣщала, въ случаѣ женитьбы на ней царя, дать ему палатку для всего войска, средняя — такой же величины коверъ, младшая — сына съ золотыми волосами. Царь женится сначала на старшей, и она говоритъ, что подъ палаткой она разумѣла небо; средняя разумѣла подъ ковромъ землю, и лишь младшая вполнѣ выполнила обѣщаніе; но, по козням сестеръ, бабка на мѣсто ребенка положила двухъ щенятъ, а ребенка взяли злыя тетки, положили въ ящикъ и бросили въ море. Рыбакъ нашелъ его и воспиталъ. Царевичъ отъ сверстниковъ узналъ, что онъ найденышъ, и отправился въ поиски за родителями. При помощи таинственной дѣвы, встрѣченной на пути, онъ находитъ отца, освобождаетъ мать и раскрываетъ правду. Уже изъ этой

краткой передачи содержанія сказки видна ея значительная близость къ пушкинской версіи.

Въ этихъ восточныхъ варіантахъ сказки нѣтъ трехъ чудесныхъ порученій; они встрѣчаются въ другихъ восточныхъ сказкахъ, въ Тысячи и одной ночи — въ сказкѣ весьма сходной съ пушкинской, въ одной арабской сказкѣ, записанной въ новое время въ Египтѣ: три женщины, пожеланія и обѣщанія; бабка подмѣниваетъ дѣтей (сына и дочь) щенятами; дѣти брошены въ ящикѣ въ море; найдены рыбакомъ; на 12 году узнала о нихъ злая первая жена царя и задаетъ задачи принести поющую розу, чудесное зеркало и чудесную красавицу. Послѣдняя чуть было не обратила царевича въ камень, но царевичъ овладѣлъ ею и съ ея помощью открылъ царю всю правду.

Далѣе у Коскена приведены весьма сходныя аварская сказка о трехъ сестрахъ и царѣ (пожеланія и обѣщанія, подмѣнъ сына и дочери собакой и кошкой, чудесные предметы, царевичъ въ поискахъ за красавицей и пр.) и значительно отличная по частнымъ мотивамъ сказка кабильская.

Къ той обширной литературѣ, которая отмѣчена Коскеномъ, въ послѣднее время дано много дополненій въ Zeitschrift d. Vereins für Volkskunde 1896, II, 174, въ Melusine 1894 г., въ Сборникахъ матер. для изуч. Кавказа IX 87, XII 42, XVI 25 (мотивъ о быстромъ ростѣ ребенка и нѣк. др. сходные). О гонимой царевнѣ и двухъ ея сыновьяхъ см. еще Zeitschrift d. Ver. f. Volksk. 1896, (литература этого мотива). Въ частности мотивъ о быстромъ ростѣ ребенка входитъ во многія другія сказки и пѣсни, о чемъ см. у Child The english ballads IV № 90, 513, VI 515, VII 479, Минаева Инд. сказки 142, Потанина Очерки о Монголіи IV 387, Clouston „Popular tales“ II стр. 12—14.

Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.

Основой для сказки о купцѣ Остолопѣ и его работникѣ Балдѣ послужила сказка, записанная Пушкинымъ со словъ Арины Родіоновны. Запись эта сохранилась въ бумагахъ Пушкина и напечатана Анненковымъ въ „Матеріалахъ" (стр. 432—3): „Купецъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти къ нему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ купцу. Купецъ радехоненъ, купчиха говоритъ: „каковъ щелкъ будетъ", Балда дюжъ и работящъ,—но срокъ уже близокъ, и купецъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Купецъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину, садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло: „кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?" и вылѣзъ старый: что тебѣ надо? — „Оброкъ сбираю". — А вотъ внука я къ тебѣ пошлю съ переговорами. — Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ. — Бѣсенокъ выскочилъ. — Что ты Балда? — „Да вотъ сбираюсь море морщить, да васъ чертей корчить". Бѣсенокъ перепугался: „Тотъ заплатитъ купцу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря". Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. „Ахъ дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ". Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? „Куда тебѣ со мною, бѣсенокъ? Да мой меньшій

братъ обгонитъ тебя, не только что я". — А гдѣ твой меньшій братъ? — У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, обѣжалъ, а Балда гладитъ уже другого, приговаривая: „усталъ ты, бѣдненькій братецъ, три раза обѣжалъ около моря". Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобы зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Купецъ видя Балду, бѣжитъ и проч.". Пушкинъ, должно быть, слышалъ сказку въ болѣе обстоятельномъ эпическомъ разсказѣ, но записалъ ее вкратцѣ. Стихотворная обработка сказки 1831 г. сравнительно съ записью отличается значительной величиной. Повсемѣстно внесены эпическія амплификаціи и бытовыя черты. Мотивъ о приводѣ медвѣдя отсутствуетъ; остальные мотивы идутъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ; мимоходомъ упоминаются дочь и сынъ купца. Въ стихотворной передачѣ сказка отличается цѣльностью и законченностью.

Сказка о Балдѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ—чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ. Основной, главный ея мотивъ—слуга силачъ. Въ сборникахъ сказокъ мотивъ этотъ встрѣчается подъ разными заголовками: „Попъ и его работникъ", „Чортъ слуга", „Желѣзный человѣкъ" и др. Разсмотримъ вкратцѣ варіанты сказки великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, далѣе славянскіе, и, наконецъ, иноплеменные.

Русскіе сказки этого рода разбросаны по сборникамъ Аѳанасьева, Садовникова (№ 26), Добровольскаго (I, 467), Романова, Манжуры, Кольберга (Покутье), Мошинской и др., причемъ рѣчь идетъ о слугѣ силачѣ, или съ варіаціями о поповомъ наймитѣ, желѣзномъ человѣкѣ, Медвѣдкѣ. Отдѣльный мотивъ вырѣзыванія ремня изъ спины встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, напр., въ русской сказкѣ о трехъ братьяхъ царевичахъ въ XV томѣ Сборн. матер. о Кавказѣ стр. 16. Аѳанасьевъ обратилъ вниманіе на эти сказки и привелъ въ I т. (2-го изд.) подъ №№ 87—89 три весьма сходныя съ пушкинской

сказкой великорусскихъ варіанта — „Батракъ“, „Шабарша“ и „Медвѣдко“, а въ IV т. стр. 147 — 156 Аѳанасьевъ указалъ на близкіе варіанты въ сборникахъ Эрленвейна, Худякова, Чудинскаго, Рудченка, Малаго, Гримма, Гана, Боричевскаго, Сѣмѣнскаго, Войцицкаго, Караджича, Гальтриха и въ Westlaurscher Märchenschatz. Вообще, и въ этомъ частномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ фольклора, Аѳанасьеву принадлежитъ заслуга перваго подробнаго и добросовѣстнаго подбора литературныхъ мотивовъ.

Не входя въ подробное сопоставленіе пушкинской сказки съ сказками Аѳанасьева, что безъ особенной пользы заняло бы лишь много мѣста въ печати, ограничимся замѣчаніемъ, что всѣ мотивы пушкинской сказки повторяются и въ сказкахъ Аѳанасьева и почти въ такомъ же порядкѣ. Въ сказкахъ есть кое-какія подробности, кое-какіе варіанты, можетъ быть, въ свое время незамѣченные Пушкинымъ или сознательно имъ выпущенные. Батракъ (третій сынъ мужика) нанимается къ купцу (въ вар. къ попу) за щелчокъ купцу, да щипокъ купчихѣ, и заранѣе показываетъ силу своего щелчка, убивая такимъ образомъ быка, потомъ медвѣдя. Во всѣхъ трехъ сказкахъ силачъ беретъ долгъ съ чертей, запугивая ихъ веревкой: „хочу васъ чертей веревкой таскать, да на солнышкѣ сушить“ (въ Батракѣ), „хочу прудъ вычищать, да васъ чертей изъ воды таскать“ („Шабарша“), и совсѣмъ какъ у Пушкина говоритъ герой третьей сказки Иванко Медвѣдко: „хочу озеро морщить, да васъ чертей корчить“. Во всѣхъ трехъ сказкахъ находится мотивъ о бѣсѣ въ перегонку съ зайцемъ и о бросаніи палицы. Послѣдняя подробность отмѣчена Аѳанасьевымъ въ одной литовской сказкѣ (изъ сб. Сѣмѣнскаго). Въ одной сказкѣ съ острова Рюгена чортъ долженъ свить якорный канатъ изъ морскаго песку, и не можетъ исполнить этой задачи. Въ нѣмецкой сказкѣ герой, тожественный съ Медвѣдкою, носитъ имя Eisenhaus (желѣзный человѣкъ), при-

чемъ въ началѣ сказки этимологическій коментарій, что герой былъ выкованъ отцомъ-кузнецомъ изъ желѣза.

Въ сборникѣ малорусскихъ сказокъ Мошинской въ Zbiór Wiadomości подъ №№ 32—33 находятся двѣ сказки о поповомъ наймитѣ. Въ одной сказкѣ поставлено условіемъ, что если хозяинъ разсердится, то работникъ урѣзываетъ у него носъ и получаетъ сто рублей. Наймитъ убиваетъ воловъ, собаку, дѣтей попа; попъ и попадья бѣжали; работникъ спрятался къ нимъ въ мѣшокъ и на пути утопилъ попадью. Тогда попъ разсердился, и былъ за то наказанъ по договору. Другая сказка весьма сходная, болѣе грубая.

Весьма сходныя сказки галицко-русская про сына медвѣдицы въ IV т. Pokucie *Кольберга* № 35, болгарскія—почти тожественныя съ великорусскими и малорусскими въ Сборн. *Шапкарева* № 95 и въ Сборн. за нар. умотв. № VII 179, польскія въ Wisła 1892 II 312, 313, въ сборн. *Хелховскаго* № 5, *Kolberg* Lud XIV 116, 220, XV 225 и друг. Сходныя еще сказки великорусская и кабардинская, обѣ записанныя на Кавказѣ изд. въ Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII отд. 2, стр. 123, XV, II 95.

Въ „Contes populaires“ *Коскена* подъ №№ 14, 36, 46 и 69 собранъ рядъ сходныхъ французскихъ сказокъ этого рода и указано много литературныхъ ихъ варіантовъ у другихъ народовъ. Въ одной лотарингской сказкѣ о сынѣ дьявола говорится, что бездѣтный крестьянинъ за то, что чортъ далъ ему двухъ сыновей, одного изъ нихъ отдалъ чорту. Мальчикъ выросъ и сталъ силачомъ. Чортъ прогналъ его. Уходя силачъ захватилъ черные штаны дьявола, изъ кармановъ которыхъ всегда могъ извлечь деньги. Силачъ возвратился къ отцу. Когда онъ ударилъ кнутомъ въ полѣ лошадь, то перерубилъ ее пополамъ, и затѣмъ принесъ на себѣ плугъ. На сельской вечеринкѣ одинъ парень надъ нимъ выкинулъ злую шутку, и былъ убитъ за то однимъ ударомъ со всѣми танцорами. Пріѣхало 25 жандармовъ, чтобы его арестовать, но онъ

однимъ ударомъ убилъ 24, а 25-ый бѣжалъ. Далѣе силачъ поступаетъ въ солдаты. Онъ принесъ въ лагерь на плечахъ 3 быковъ, потомъ 3 бочки вина, потомъ тяжелую пушку. И хотя онъ долженъ былъ служить 8 лѣтъ, полковникъ, опасаясь его силы, отпустилъ его чрезъ 8 дней. Силачъ нанимается у крестьянина въ работники за куль жита въ концѣ года, какой подниметъ. Силачъ вспахиваетъ самъ поле и приноситъ лошадь въ карманѣ, на другой день разгоняетъ на мельницѣ 12 чертей, перемалываетъ муку и самую мельницу переноситъ къ дому своего хозяина. На третій день силачъ работалъ въ глубокой каменоломнѣ и выбрасывалъ такіе куски, что они проваливали крыши домовъ. Крестьянинъ, чтобы избавиться отъ силача, посылаетъ его къ своему брату, смотрителю тюрьмы, и здѣсь его заковываютъ. Но силачъ рветъ цѣпи и переноситъ тюрьму къ дому своего хозяина, чтобы братья могли чаще видѣться; крестьянинъ и жена его стали плакать изъ опасенія, что силачъ заберетъ у нихъ весь хлѣбъ, но силачъ великодушно ничего не взялъ и даже помогъ имъ деньгами.

Въ варіантѣ этой сказки молодецъ до 18 лѣтъ не вставалъ съ постели (мотивъ объ Ильѣ Муромцѣ сиднѣ); но затѣмъ отецъ потребовалъ, чтобы онъ работалъ, и Бенедиктъ — такъ звали силача — нанялся въ работники съ условіемъ не будить его ранѣе 5 часовъ утра и давать ему вволю ѣсть. Б. притаскиваетъ изъ лѣсу огромныя деревья, приноситъ лошадей, убиваетъ на мельницѣ дьявола. Хозяинъ отправилъ силача къ офицеру сыну, и когда послѣдній хотѣлъ его застрѣлить, то силачъ пули и ядра принималъ за мухъ—такъ мало они ему вредили. Силача спустили на работу въ глубокій колодецъ, и потомъ бросили на него мельничный жерновъ и тяжелый колоколъ; но Б. благополучно вышелъ изъ колодца, причемъ камень сидѣлъ у него на плечахъ, какъ ожерелье, а колоколъ онъ надѣлъ на голову, какъ шапку. Между тѣмъ срокъ найма кончился, и сколько ни сносили хлѣба, силачъ говорилъ, что мало, поднималъ мизинцомъ

или двумя пальцами, но въ концѣ концовъ удовлетворился и возвратился къ родителямъ.

Въ варіантѣ сказки силачъ работникъ прогоняетъ изъ лѣсу волковъ, приноситъ на себѣ сажени дровъ, беретъ съ чертей долгъ и выигрываетъ въ кегли еще сотню экю (№ 69).

Къ этимъ лотарингскимъ сказкамъ по содержанію примыкаетъ также записанная въ Лотарингіи сказка о двухъ братьяхъ Иванѣ и Петрѣ. Договоръ сто экю, если не разсердится, въ противномъ случаѣ порѣзъ жилъ и удаленіе. Первымъ нанялся Петръ, но вскорѣ поссорился съ хозяиномъ и былъ изуродованъ. Братъ его Иванъ нанимается на его мѣсто, продаетъ хозяйскихъ лошадей, повозку, хлѣбъ. Хозяинъ посылаетъ его къ людоѣду лѣшему. Послѣдній устраиваетъ ужинъ. Иванъ прячетъ на животѣ мѣшокъ, потомъ разрѣзаетъ его и какъ-бы вторично пользуется пищей. Лѣшій проситъ разрѣзать у него животъ и погибаетъ. Далѣе Иванъ, когда пасъ свиней, отрѣзалъ у нихъ хвосты, затѣмъ всѣхъ свиней продалъ, а хвосты повтыкалъ въ болото и сказалъ хозяину, что свиньи загрузли. Хозяинъ посылаетъ Ивана пасти гусей, Иванъ продалъ нѣсколько птицъ. Хозяйка прячется въ кустахъ, чтобы подсмотрѣть, какъ Иванъ далѣе будетъ пасти гусей, но Иванъ взялъ у хозяина ружье и застрѣлилъ хозяйку, подъ предлогомъ, что этотъ звѣрь поѣдалъ его гусей. Тогда хозяинъ разсердился и былъ за то такъ же жестоко наказанъ, какъ онъ наказалъ Петра, по договору.

Мотивъ: ребенокъ, по обѣщанію, отданъ чорту или колдуну, — разобранъ въ I т. „Contes pop." Коскена на стр. 164, 139—140. Отецъ долженъ, по соглашенію, отдать сына чорту въ греческой и венеціанской сказкахъ, колдуну — въ сказкахъ — нѣмецкой (изъ Тироля), италіанской (Абруццы), греческой, албанской, малорусской, португальской (изъ Бразиліи), чешской, верхне-бретонской. Любопытно, что отдача демону ребенка найдена въ одной сказкѣ африканскаго племени свагили на Занзибарѣ

и въ нѣсколькихъ индійскихъ сказкахъ (см. Коскена, стр. 164).

Мотивъ о штанахъ, въ карманахъ которыхъ всегда можно найти деньги, отмѣченъ Коскеномъ въ немного измѣненномъ видѣ въ сказкахъ чешской и вестфальской.

Мотивъ о сиднѣ найденъ Коскеномъ въ другой французской сказкѣ (Montiers-sur-Saulx) и въ одной бретонской (у Sebillot № 26). Мотивъ этотъ встрѣчался мнѣ еще въ польскихъ сказкахъ (Chełchowski № 17), въ южнославянскомъ эпосѣ (у г. Халанскаго) и друг. Можетъ быть, и былевой мотивъ объ Ильѣ сиднѣ нужно отнести къ этому разряду сказокъ. На религіозные легендарные варіанты были указанія въ печати.

Съ сказкой о Бенедиктѣ, по свидѣтельству Коскена, сходны многія нѣмецкія сказки, датская, норвежская, лужицкая, румынская, чешская, италіанская, португальская (стр. 110). Въ румынской и лужицкой сказкахъ силачъ становится въ работники за условіе дать хозяину щелчокъ въ концѣ года.

Частный мотивъ о мельницѣ съ чертями отмѣченъ въ румынской, померанской, вестфальской, тирольской, фламандской и ютландской сказкахъ. Почти во всѣхъ этихъ варіантахъ встрѣчается и мотивъ о колодцѣ и о жерновомъ камнѣ въ видѣ ожерелья.

Разсказъ о томъ, какъ силачъ пущенныя въ него пули и ядра принялъ за надоѣдливыхъ мухъ, повторяется въ швейцарской, италіанской и норвежской сказкахъ.

Разсказы о рубкѣ лѣса входятъ иногда, какъ составная часть, въ сказки объ Иванѣ Медвѣдкѣ и др. т. п. (подроб. у Коскена подъ № 1). Въ эти сказки, между прочимъ, входитъ мотивъ, какъ силачъ прогналъ волковъ. Мотивъ этотъ встрѣчается въ одной баскской сказкѣ (изд. въ „Melusine“ 1877), въ русскихъ, въ финской (въ Калевалѣ). Въ сказкахъ о Медвѣдкѣ встрѣчается также мотивъ, какъ силачъ набралъ у дьявола денегъ (сказки аварская, фламандская, норвежская, датская).

Въ видѣ отдѣльныхъ сказокъ часто встрѣчается мотивъ — обманъ великана путемъ хитрости или уловки, безъ элемента силы со стороны человѣка. Напр., въ спорѣ, кто кого обгонитъ или объѣстъ, притворное вскрытіе желудка,— въ спорѣ, кто броситъ выше молотъ, спачала высоко бросаетъ великанъ, затѣмъ его партнеръ говоритъ, что онъ можетъ забросить молотъ въ море, или онъ высматриваетъ звѣзду, которую собьетъ, или облако, чтобы на него забросить молотъ; такъ какъ великану не хочется потерять молотъ, то онъ уступаетъ. Сказки на эту тему у Коскена собраны подъ №№ 25, 36 (II, 51—52), 69 (II, 269).

Сказки на тему о наймѣ силача работника за безцѣнокъ — у Коскена — нѣсколько французскихъ, испанская, нѣсколько италіанскихъ и нѣмецкихъ, литовская, моравская, румынская, греческая, ирландская, шотландская, датская, норвежская, татарская, авганская и нѣсколько индійскихъ. Всѣ эти сказки очень сходны и вмѣстѣ съ Пушкинскимъ Балдой составляютъ одну литературную семью.

Почти во всѣхъ варіантахъ условіемъ для обоихъ сторонъ служитъ воздержаніе отъ гнѣва, изрѣдка (сказки шотландская и греческая) воздержаніе отъ сожалѣнія о потерянныхъ вещахъ; въ одной сказкѣ (баскской) слуга долженъ исполнять всѣ приказанія хозяина.

Наказаніемъ служитъ въ большинствѣ варіантовъ вырѣзываніе полосы кожи отъ головы до пятъ, иногда потеря носа, уха или обоихъ ушей.

Въ большинствѣ варіантовъ рѣчь идетъ о двухъ братьяхъ, поступающихъ послѣдовательно въ работники къ одному хозяину, иногда о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ два старшихъ страдаютъ, иногда безъ родственной амплификаціи.

Мотивъ о воткнутыхъ въ болото хвостахъ встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, — объ искусныхъ ворахъ. Мотивъ этотъ весьма распространенъ. Коскенъ нашелъ его (II, стр. 50) въ сказкахъ французскихъ, баскскихъ,

корсиканской, нѣмецкой, норвежской, италіанскихъ, португальской, исландской, русской.

Мотивъ объ убійствѣ жены встрѣчается въ сказкахъ многихъ европейскихъ народовъ, иногда въ такой формѣ, что жена, зная, что работникъ нанятъ до весны, до первой кукушки, чтобы избавиться отъ него, взлѣзаетъ на дерево и кукуетъ. Работникъ въ нее стрѣляетъ (Коскенъ II, 52).

Сказка о мертвой царевнѣ.

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ примыкаетъ къ циклу сказокъ о гонимой дѣвицѣ и временной ея смерти (окаменѣніе, или скрываніе въ мышиной шкуркѣ), о Пепелюшкѣ, Aschenputtel, Сандрильонѣ. Мы отчасти уже касались этого мотива, насколько вошли въ него сказанія объ обращеніи въ мышь, въ статьѣ о мыши въ народной словесности. Весьма подробно въ видѣ обширной монографіи мотивъ этотъ разобранъ въ соч. Cox'a „Cinderella"; много библіографическихъ указаній, кромѣ того, дано въ Melusine 1893 стр. 211 и въ Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde 1896 I 63. Кромѣ того см. еще Child, Englisch ballads II № 34, 36, IV стр. IV, VI 504, Hahn, Griech. u. alb. Märchen 2, 6, 26—7, 50—5, 67—70, 103, 130, 141; Cosquin, Contes popul. de Lorraine №№ 24, 32; Сборн. матер. для изуч. Кавк. XVII, 384, XXI предисл. 19; Пентамеронъ № 48, Grimm 13, 53; Schott, Walach. März. 5; Остроумовъ, Сарты 6; затѣмъ сказки этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ русскихъ сборникахъ, у Аѳанасьева, Чубинскаго, Кулиша, Рудченка и др. Варіантъ Пушкина примыкаетъ тѣсно къ народнымъ сказкамъ о временной смерти царевны отъ колдовства.

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ мало распространена въ народной словесности. Она проникла въ Россію литературнымъ путемъ и народу мало извѣстна. Свѣжіе слѣды захожаго происхожденія видны и въ пушкинской обработкѣ въ собственномъ имени царя Додона и въ названіи царицы шамахинской. Интересны въ историко-литературномъ отношеніи родственныя сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ южнославянскія пѣсни о томъ, какъ вила произвела ссору между двумя родными братьями. Въ одной пѣснѣ этого цикла говорится спачала, какъ два брата Якшичи, Димитрій и Степанъ, такъ нѣжно любили другъ друга, что, куда бы ни ѣхали, мѣнялись одеждой. То увидѣла старшая вила (вар. худа среча—недоля) и поручила вилѣ семилеткѣ поссорить братьевъ. Вила-семилѣтка обратилась въ красивую дѣвицу и вышла на дорогу, гдѣ проѣзжали Якшичи. Братья поспорили, кому завладѣть сю, и Димитрій убилъ въ ссорѣ Степана и повезъ красавицу къ своему бѣлому двору. Дорогой соколъ, потомъ конь Димитрія упрекаютъ убійцу. Когда Димитрій приблизился къ своему двору, вила исчезла. Димитрій загрустилъ о братѣ, разсказалъ о случившейся съ нимъ бѣдѣ Марку Кралевичу, а послѣдній поймалъ вилу и заставилъ ее оживить Степана (Халанскій, Южно-слав. сказ. о Кралевичѣ Маркѣ, II, 195).

Дополненіе къ ст. „Сказка о рыбакѣ“.

Въ 1 кн. „Narodopisny Sbornik“ 1897 г. напечатана большая статья извѣстнаго чешскаго ученаго Поливки „Rybář a zlatá rybka“ (ср. 49—63). Авторъ начинаетъ съ пушкинской сказки и затѣмъ приводитъ вкратцѣ много славянскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ, причемъ въ варіантахъ русскомъ, нѣмецкомъ, жмудскомъ, шведскомъ и хорватскомъ чудесная рыбка удовлетворяетъ все болѣе и болѣе возрастающія вожделѣнія жены рыбака. Въ варіантахъ русскомъ, татарскомъ, моравскомъ, эльзаскомъ выступаетъ въ роли благодѣтеля дерево, пѣтухъ, чудесная птичка, сама прилетающая къ бѣднымъ. Въ связи съ этими мотивами у г. Поливки разсмотрѣны въ концѣ статьи тѣ сказки, гдѣ бѣднякъ попадаетъ на небо (бобы до неба) и получаетъ отъ св. ап. Петра чудесные предметы. Г. Поливка разсматриваетъ эти сказки, какъ далекіе варіанты сказокъ о рыбакѣ; но, повидимому, онѣ составляютъ особый и самостоятельный циклъ сказокъ легендарной окраски. Въ концѣ статьи и г. Поливка, подобно Бедье, признаетъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія времени и путей распространенія сказокъ о рыбакѣ и рыбкѣ.

Замѣтка о клятвѣ, какъ литературномъ пріемѣ.

Въ первомъ подражаніи Корану Пушкинъ мастерски воспользовался клятвами Корана, кое-что прямо заимствовалъ изъ Корана, кое-что внесъ самостоятельно, но въ духѣ Корана (подроб. см. въ Соч. Пушкина изд. Льва Поливанова, II, стр. 133—134). Въ Пушкинской обработкѣ литературная форма клятвы многимъ полюбилась. Особенно увлекся Лермонтовъ, и клятвы демона передъ Тамарой даже слишкомъ пространны и многосложны. Есть весьма любопытныя и даже загадочныя литературныя параллели къ первому пушкинскому подражанію Корану.

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой.
Нѣтъ, не покинулъ я тебя,
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

Это стихотвореніе явилось въ печати въ 1826 г., и въ томъ же 1826 г. А. Г. Ротчевъ († 1873) вписалъ въ альбомъ М. А. Максимовича (см. Кіев. Стар. 1882, I, 159) слѣдующее любопытное стихотвореніе подъ заголовкомъ „Съ арабскаго“:

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ:
Что голосъ Бога справедливый
Надъ міромъ скоро прогремитъ.

Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!

Не онъ ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ!

Когда же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса:
Надъ озаренною землею
Не Бога ли блеститъ краса.

Безъ вѣры въ Бога — мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ ли Онъ огонь безъ дыма
И дымъ пошлетъ-ли безъ огня?!

Какъ возникло это во всякомъ случаѣ недурное стихотвореніе? Гдѣ оригиналъ, арабскій или переводный? Трудно думать, чтобы Ротчевъ — величина въ литературѣ совсѣмъ неизвѣстная — самостоятельно, по отдѣльнымъ выраженіямъ въ Коранѣ, какъ предполагается это относительно Пушкина, могъ создать такое цѣльное и сильное стихотвореніе. Затѣмъ, какъ объяснить отдѣльныя частныя совпаденія въ стихотвореніяхъ Пушкина и Ротчева—

подражаніемъ со стороны Ротчева или общимъ источникомъ?

Вліяніе сходныхъ поэтическихъ настроеній и сходныхъ литературныхъ пособій (въ частности Корана) можетъ давать весьма сходные результаты. Весьма любопытно въ этомъ смыслѣ по сходству съ клятвами лермонтовскаго демона слѣдующее мѣсто въ одномъ стихотвореніи Альфреда де Мюссе:

. . . la haine est impie,
Et c'est un frisson plein d'horreur
Quand cette vipère assoupie
Se déroule dans notre coeur.
Écoute-moi donc, o déesse!
Et sois témoin de mon serment:
Par les yeux bleus de ma maitresse,
Et par l'azur du firmament;
Par cette étincelle brillante,
Qui de Vénus porte le nom,
Et comme une perle tremblante
Scintille au loin sur l'horizon;
Par la grandeur de la nature,
Par la bonté du Créateur;
Par la clarté tranquille et pure
De l'astre cher au voyageur,
Par les herbes de la prairie,
Par les forêts, par les prés verts;
Par la puissance de la vie,
Par la séve de l'univers;
Je te bannis de ma memoire,
Reste d'un amour insensé,
Mystérieuse et sombre histoire
Qui dormiras dans le passé!

УКАЗАТЕЛЬ

къ I—V выпускамъ „Этюдовъ объ А. С. Пушкинѣ“

(главное подчеркнуто).

ОГЛАВЛЕНІЕ 5-го ВЫПУСКА.